

К Р О К О Д И Л

К 556

№ 17 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
МОСКВА, ИЮНЬ 1934

Рис. М. Черемных

13

— А вы, Антон Павлович, говорили, что только через ДВЕСТИ-ТРИСТА лет жизнь будет прекрасна.
ЧЕХОВ: — Ну что ж, товарищи, недоучел большевистских темпов.

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК ЧЕХОВА

(1932 — 1934)

Стр. 4. Дождь. Где бы попробовать грузди со сметаной?

Стр. 5. Цыпин не в духе. Говорят, сливают.

Стр. 11. У завмаговского сына собаки назывались Усушка и Утруска.

Стр. 12. Постилают вместо скатертей грязные простыни. В санатории Медсантруд.

Стр. 14. Уэллэнский, куда ни придет, дает всем советы:

— Мы у себя посеяли вику с овсом.

— Напрасно. Лучше бы посеяли сою.

— Мы завели свиней.

— Напрасно. Лучше бы трактор.

Стр. 25. [Смотрел «Вишневы сад» в Художественном театре. Пьеса вроде, как бы сказать, не вполне созвучна современности].

Стр. 25. [Девушка, брюнетка, некрасивая, со строительства, жалуется Рыкову (наркому связи), что пропал ее денежный перевод матери. Почта доставляет письмо вместо Рыкова Рыклину (журналисту). Рыклин пишет смешной фельетон, девушку переводят в Самарканд, она грустит, читает Бальзака, пишет письмо Ляпидевскому, но почта доставляет письмо Феликсу Кону. Идет дождь].

Стр. 31. [Сын просил отца купить ему «Крокодил» (сказку Чуковского). Отец купил журнал «Крокодил» и удивляется, чем теперь пичкают детей. Хочет застрелиться, едет на курорт, влюбляется в пожилую комсомолку. Сидит с ней на веранде. Шуршат кипарисы].

Стр. 33. Хочет получить значок «ГТО», не сдавая норм, и принес для этого: две рекомендации, свидетельство врача, что ему вредны физические напряжения, и справку об уплате налогов.

Стр. 34. Бонна послала в районный штаб штурмовиков донос на маленького Карла.

Стр. 37. [В Москве писатели играли в карты, но если придумывали вместо этого писать, то выходило еще скучнее, и читатели, закрывая книгу, говорили: не авторы, а чорт знает что. Недоставало темперамента и искренней веселости].

Стр. 38. [Панауров, в купе:—Был я секретарем треста, потом секретарем следственной комиссии по этому тресту, потом секретарем следственной комиссии по злоупотреблениям в нем же, потом секретарем его ликвидационной комиссии, потом секретарем инициативной группы по созданию нового треста вместо него. Кажется, имею право на орден. Но просил вот в Москве, а там мне ответили как-то неопределенно].

Стр. 39. Цыпин в духе. Повидимому, не сливают.

Стр. 40. «Дай-ка порцию главного мастера клеветы и злословия, рюмку водки и пирожок».

Официант в белогвардейском ресторане не понял, смутился за свою недогадливость и хотел что-то возразить, но Шульгин строго поглядел на него и сказал: «Кроме!» Немного погодя лакей принес пирожок, водку и запачканный соусами номер «Возрождения».

Стр. 41. Один заслуженный деятель науки взглянул на красивый ландшафт и сказал: «Какое чудесное отправление природы!»

Стр. 46. Бывший городской голова: «Город лишился во мне труженника: вот я каланчу в свое время оштукатурил, выкрасил собор и колонны расписал под малафтиг. А теперь сижу на иждивении у сына».

Стр. 49. [Савва Данилович Араки. Мечтает покорить Сибирь].

Стр. 69. Две жены: одна в Москве, другая в Сочи. Постоянные скандалы, угрозы, телеграммы. Едва не довели до самоубийства. В конце концов нашел средство: послал одну жену в Москву на учебу, а другую в Сочи на лечебу. Обе довольны и молчат, перестали тормозить.

Стр. 70. [Если кто присасывается к делу ему чуждому, например к искусству, то неминуемо становится чиновником. Сколько чиновников около науки, театра и живописи! Тот, кому чужда жизнь, кто не способен к ней, тому ничего больше не остается, как стать чиновником].

Стр. 71. Грязный буфет на станции. И в каждом таком буфете непременно есть большая пустая жалобная книга под тяжелым замком. Как много у нас таких замков и жалобных книг!

Стр. 75. [Фашистский министр—помесь свиньи с белугой].

Стр. 76. Один директор завода учил свою дочь объективным причинам.

[Стр. 78. Молодой поэт, приехав из Москвы домой, в глухую деревню, читал стихи с матерными выражениями. Его побили и сказали уезжать].

Стр. 80. Н, жена красного профессора, человека путанного и неинтересного, любит мужа, любит до гробовой доски, пишет ему трогательные письма, волнуется, когда он признает свои ошибки и подает заявления, она умирает с трогательным выражением любви. Он едет на курорт, загорает, женится, опять пугает и опять подает заявления с признанием ошибок.

Стр. 92. У А и Б пари. А на пари съедает в столовой четыре котлеты. Б не платит пари, не платит за котлеты и даже не приходит на похороны А.

Стр. 93. Ф узнает, что в парткоме его решили исключить из партии. Ф резко меняет образ жизни, перестает пьянствовать, берется за работу, читает Маркса. Через год узнает, что произошла ошибка, никто его не собирався исключать. Ф на радостях не прочь опять запить и загулять, но уже не может. Втянуло в другую жизнь.

Стр. 99. Пятилетний юбилей руководителя издательством. Восторги, речь: «Я и впредь буду стоять на страже финансовой дисциплины».

Стр. 102. Мне противны: немец, пьяный внезапной расовой гордостью, японец, разинувший рот на кусок не по его зубам, англичанин, презирующий их обоих и сотворяющий дружбу с ними.

Стр. 103. В цирке во время бенефиса «Человека с железным желудком», когда тот глотал лягушек и горящую паклю, заведующий райснабом сидел в ложе сияющий, вставал и кланялся.

Стр. 104. [Надоедливая дама: «Я не читала Энгельса. Расскажите его содержание. О чем он пишет? Я хочу написать пьесу на конкурс Совнаркома. Дайте мне сюжет»].

Стр. 109. В красном уголке поставили громкоговоритель, но он скоро перестал

действовать, так как в нем завелись тараканы и клопы.

Стр. 110. Пришедший в гости завхоз хвастает: «Мы у себя при заводе живем дешево. Куры свои, свиньи свои, коровы свои, нарзан свой, мануфактура своя,— дешево жить».

Стр. 111. Человек, помешанный на том, что он Геббельс. Ходит по всем пивным в Берлине и искренне обижается, когда слышит ругань.

Стр. 114. «Немец обезьяну выдумал». Выдумал, а теперь отрекается. Будто бы обезьяна не арийская.

Стр. 116. [Он предупреждал всех: «Моя фамилия не Пильняк, а Пыльняк, просьба не смешивать»].

Стр. 119. Цыпин не в духе. Говорят, все-таки сливают.

Стр. 120. Двадцатого мая говорил с Юдиным в телефон.

Стр. 121. Екатеринбург? Нет такого города. Нет!

Стр. 122. Комсомолец 16 лет говорит пионеру 12 лет: «Стыдно, молодой человек».

Стр. 125. Борохвостов.

Стр. 127. Когда была РАПП, я приводил всех в восторг, был славен и богат, а теперь, когда РАПП давно уже нет и она забыта, я смешался с толпой.

Стр. 128. Чтобы перенять Дос-Пассоса, он выучился по-испански, потратил массу времени, труда и вдруг узнал, что Дос-Пассос—американец, и никак не мог понять, что ему теперь делать с испанским языком.

Стр. 129. Н борется с рекордсменством и питается этим; с точки зрения своего ремесла смотрит на произведения. Если в «Тихом Доне» не говорится о рекордсменстве, то значит «Тихий Дон» неинтересен.

Стр. 130. Мне ужасно подумать, что на открытии моего памятника не будет Павленки.

Стр. 131. Народный артист переезжает на новую квартиру в «Городок баса» и хочет, чтобы у него ватерклозет был с душем.

Стр. 137. Прежде герои повестей и романов (Печорин, Онегин) были 20 лет, потом нельзя было брать героя моложе 30—35 лет, а сейчас хорошо делать пополам: комсомолки и члены общества политкаторжан.

Стр. 139. Писатель А думает, что он очень знаменит, что его знают все. Приехал в Кострому, встречается с командиром, который долго жмет ему руку, восторженно глядя в лицо. А рад, тоже горячо жмет руку. Наконец командир спрашивает: «И не страшно было вам на льдине, не боялись утонуть? Молодцы вы все челюскинцы!» А огорчен недоразумением.

Стр. 140. «Выкорчевывание наблюдающихся на данном отрезке времени засарииваний русского языка совершается через посредство организовывания беспощадной борьбы в деле поднятия качества по линии литературного стиля, каковая проблема упирается в вопрос о кадрах («Высказывание» в газете).

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Начальник департамента полиции Бибенштейн завтракал с приезжим начальником охраны соседнего государства — полковником Собинсоном. Во время десерта Бибенштейн закурил сигару и ласково предложил собеседнику.

— Могу уступить одного русского князя. Редкий экземпляр князя, смею вас уверить. Чистых рюриковских кровей. Рост, походка, предки, — все, что надо. Незаменим для организации монархических кружков. Землю роет. Не успеешь оглянуться, — уже организовал...

— Э, — поморщился полковник, — не надо. У меня у самого семнадцать рюриковичей на разных пунктах работают. Двух светлейших уличными филерами держу. Толку от них нет. Кровь древняя, а только в ресторанах морды друг другу бьют. Вчера один рюрикович чемодан у дипломата спер и светлейшему продал. Не надо.

— А вы возьмите, полковник, — еще ласковее сказал Бибенштейн. — Мой почти не пьющий. На шести языках говорит и даже газеты читает. В случае чего, в Манчжурию отправите. Все там — династия. Честное слово, другому бы такого князя не уступил. А вам — извольте. Лидо у вас и государство симпатичные. И возьму не дорого, честное слово. Дайте мне за моего князя двух бывших ротмистров, которые у вас советские документы делают, — и мы квиты...

— Ротмистры самому нужны, — небрежно, сквозь зубы, процедил полковник, потребовав ликер, — а вашего князя мне и держать негде. Разве что в Абисинию для поддержки трона. Нет, уж лучше своих князей отправлю. Не надо мне вашего.

— А может, взяли бы, — вздохнул Бибенштейн. — Князь-то какой, ай, князь, ай, князь... Ну, одного бывшего ротмистра дайте мне за него, который порастороннее... Ну, что вам стоит? Мой князь настоящий, с кровью, с предками... У него, может, целый поезд предков, а ваш бывший ротмистр, может, еще и не ротмистр, а вообще счетовод и где-нибудь в Калуге в бане служил... А мой князь... а, да что говорить...

— Не надо, — поставил рюмку на стол полковник. — Князей много, а вот для документов людей сразу не найдешь, а мои ротмистры уже привыкли... Один за Коминтерн прямо набело пишет, а другой все советские учреждения на память знает...

Бибенштейн налил гостю другого ликера, уныло посмотрел на его баки и тихо сказал:

— Ну, хорошо. Не надо ваших бывших ротмистров. Возьмите его так. Князя-то моего. Рюриковича. Даром возьмите.

— Нет, — покачал головой полковник, — не возьму.

— Ну, куда же я его дену?.. Ненадежный уж очень. Жулик, можно сказать. Обещал связь с Москвой наладить, у меня, говорит, там верные люди, письма пишут, корону предлагают. А письма сам себе пишет. Даже без почтового штампа показывает. И в Москве у него только один свой человек оказался. Дворник бывший. Теперь за кражу бочек с опилками в тюрьме сидит. Рюрикович!.. Предки!.. Сволочь! Может, можно вам его послать, а вы его у себя арестуйте, — все равно проворуется...

— Сами и арестуйте, — спокойно предложил полковник, потянувшись за сигарой, — ваш князь, а не мой.

— Скандал выйдет, — еще раз вздохнул Бибенштейн, — неприятности... Хоть бы холеру ему привить, что ли, — умер бы, на казенный счет похоронил бы... Ай, князь, ай, князь... Возьмите, полковник, честное слово, я вам в придачу один документик насчет ВЦИК дам... Две недели делали, — пальчики облизаете.

— Свои есть, — сказал полковник, встал и начал прощаться, — будьте здоровы.

— Будьте и вы! До свиданья.

Когда полковник ушел, Бибенштейн позвонил и сердито сказал вошедшему помощнику:

— Князя этого самого, который рюрикович, посадите в тюрьму. И предков, которые с ним окажутся, — тоже. И не выпускать этого проходимца, пока он не скажет, куда загнал два фрака, которые ему для представительства выдали... Идите!

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

— Вы, гражданин Иван Жуков, в 1904 году письмо на деревню дедушке посылали? Примите обратно за ненахождением адресата.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

19 мая я ясно видел над Красной площадью громадный самолет „Максим Горький“.

Говорят, однако, что у летающего „Максима“ нет подходящего по размерам гнезда, чтобы укрыться от непогоды. Вношу по сей причине 25 рублей на ангар для самолета-гиганта и верю, что **МОЯ ЧЕТВЕРТНАЯ НЕ ОСТАНЕТСЯ В ОДИНОЧЕСТВЕ.**

Москва.

Машинист Н. КОВЫЛЕВ.

А. П. Чехову до востребования

„Творчество его было выражением идейных устремлений того слоя мелкобуржуазной интеллигенции, который принял буржуазную ориентацию и оказался в тупике пассивно унылых размышлений“ (БСЭ, т. 61, стр. 460).

Дорогой Антон Павлович! Вот вам границы, — Садитесь и располагайтесь, как дома, На четыреста шестидесятой странице Шестьдесят первого тома. Вы — „унылый и траги-тоскливый нытик, Певец пассивности и печали“... Ничего не поделаешь. Извините. С этой кличкой вас давно повенчали. Ваши пьесы „статичны“, не кличут к победе. Вы грешили порой „безделушками“ — пьесками, Так о вас выражается энциклопедия, Не какая-нибудь, а Большая Советская. Таким рисовал вас еще буржуа, Такую он вам предназначил орбиту.

Но эпоха штурмов и бурь жива, И мы не дадим вас, товарищ, в обиду. Мы помним:

когда не по дням, а часам Катилась интеллигенция с горки, Вы швырнули царю академика сан,

Потому что подвергся репрессиям Горький. Мы знаем:

когда в девяностых годах Холера да голод царили в России, Вы были застрельщиком первых атак, И власти вас даже — „Полегче!“ — просили. Мы видим: вы не воспевали его, Носителя интеллигентской морали. Нет, вы это дряблѐе существо Всем существом своим презирали, Вы сурово ему предъявляли счета, А он, чтобы спрятать концы в воду, Очень хитро предпочел считать Ваши разоблачения одой. Вы порой его грели и жалостью кроткой. Мы учитываем. Мы с Земли, а не с Марса, Мы не пробуем к докторской вашей бородке Приладить гневную бороду Маркса. Мы стираем лишь пыль с дорогого лица И спешим сообщить вам сегодня, кстати, Что не счел вас за „сумеречного певца“ Ваш нырещный умный и жадный читатель. У нас новая жизнь, у нас новый герой, Трепещет непримиримое знамя, Но, ах! — как бывает досадно порой, — Что вы, Антон Павлович, нынче не с нами.

Писатель, особенно молодяк, Порою нуждался бы в вашем уроке (Такому уроку — совсем на-днях — Посвятил ваш великий сверстник строки). Вы внушили бы им благородную скромность, Которой им так недостает, Вы смогли бы им мягко, но ясно напомнить, Что таланта не заменяет паек. Вы бы открыли им знаний край непочатый, И тот факт, что писатель бессилен без них. Вы бы им намекнули, что рано печатать Собрание книжек своих записных. А дойдя до „тузов“ литературы Через оргкомитетский коридор, Научили бы их не считать „халтурой“ Искусство великое „малых форм“. Вы бы задали нам не один вопрос, Получили бы сами сто тысяч открыток, И вас поразил бы стремительный рост Талантов, которым пути открыты; И вы бы взволнованно убедились, Что класс-победитель рогатки прорвал, Что чаек не губят, а соколы взвились От жизни, которой вы так тяготились, До той, о которой лишь грезилось вам.

НИКОЛАЙ АДУЕВ

Невинность

(ПО ЧЕХОВСКОМУ РАССКАЗУ „ЗЛОУМЫШЛЕННИК“)

Перед следователем стоит маленький толстый человек в железнодорожной форме. Его выбритое лоснящееся лицо хранит выражение воплощенной невинности. На голове несколько волосков разделены отменным пробором, что придает обладателю его некоторую щеголеватость. На ногах — ярко начищенные сапоги.

— Гражданин Григорьев, — начинает следователь. — Подойдите поближе и отвечайте на мои вопросы. Бригада подотдела во главе с товарищем Акинфовым обнаружила в депо, которым вы руководите, сплошное очковтирательство, а вас застала за составлением очковтирательского отчета. У вас подавали под поезда неотрмонтированные паровозы, происшествия по вашей вине чрезвычайно велики, процент больных паровозов в два раза превышает норму. Так ли все это?

— Чего-с?

— Так ли все это, как рассказала обследовательская бригада?

— Вроде, как бы, конечно.

— Хорошо, ну, а почему вы пошли на обман?

— Чего-с?

— Вы это свое «чего-с» бросьте, отвечайте прямо, — почему?

— Коли бы не нужно было, не писали, — отвечает Григорьев, косясь на потолок.

— Для чего вам понадобилось врать, — вот что вы скажите.

— Врать-то? Да нешто это вранье?! Бумажки! Мы исколон веков так.

— Кто это мы?

— Железнодорожники наши. Депо, то-есть.

— Послушайте. Не прикидывайтесь младенцем.

— Никак нет, — все истинная правда, — говорит подследственный, мигая глазами. — Да нешто, товарищ следователь, можно без бумажки?! Ежели вы бумажку в срок не напишете, начальству утешения не сделаете, вас ведь поездом заедят. Нешто начальство может жить без бумажки. Помрет в одно-

часье. Вот у нас начальник тяги наемни кричал: «Почему превышены нормы больных паровозов?» А что мы можем поделаться? Паровоз возит, надрывается, — вот и болеет. Человек — и тот болеет, — осмелюсь доложить.

— Да что вы мне про болезни рассказываете?

— Чего-с? Да ведь вы же сами спрашиваете. Ежели мне не верите, хоть у кого хотите, спросите. Паровоз всегда болеет, и даже норма есть для болезней...

— Не втирайте хоть мне-то очков, гражданин Григорьев. Я ведь не с неба упал и не вчера родился. Разве вы не понимаете, что числить здоровым и подавать под поезд неотрмонтированный паровоз — это преступление. Ведь так крушение может произойти. Людей убить может.

— Что вы, товарищ следователь, зачем такие слова? Нешто мы звери, что ли? Сколько лет живу на свете, никого отродясь не убивал. Ежели бы я рельсу унес или, к примеру, бревно поперек пути положил, тогда, пожалуй, другое было бы дело. А то — гьфу! — неотрмонтированный паровоз!

— Теперь понятно, почему у вас так много происшествий, — говорит следователь. — Все ясно. Я понимаю.

— На то вы и на высокий пост поставлены, чтобы понимать, уважаемый товарищ следователь. Рабоче-крестьянская дорогая наша власть знает, кого к чему определить. Вот вы рассудили живо, а обследователи эти ходили к рядовым работникам, народ мутили, беспорядок устраивали, с моим мнением не считались. Запишите также, товарищ следователь, что ихний бригадир Акинфов меня классовым врагом назвал.

— Вот тут из дела видно, что вы за, якобы, хорошую работу премии получали, клали деньги себе в карман. Значит, брали вы с корыстной целью, с пользой для себя.

— А что же из этого? Ну, напишешь хорошую бумажку, благополучный отчетец, глядишь — на-

чальству радостно, и нам не плохо. Нешто без этого проживешь? А что касается улучшения и, так сказать, борьбы, то это — вещь трудная. Мы ведь на медные пятаки учились, так сказать.

Наступает молчание. Григорьев переминается с ноги на ногу, глядит на стол с красным сукном и усиленно мигает глазами, словно видит перед собой солнце. Следователь быстро пишет.

— Мне итти? — спрашивает Григорьев после некоторого молчания.

— Нет. Я должен вас арестовать.

Григорьев перестает мигать и, приподняв брови, недоуменно глядит на следователя.

— То-есть как арестовать? Товарищ следователь, мне некогда. Я общественную функцию нес, мне завтра с докладом о перестройке надо выступать...

— Погодите, не мешайте.

— Арестовать! Было бы за что, а то за бумажки, за отчет. Ну, приписали там кое-чего. Ну, паровозы больными выпускали. Ну, премии там получали... До революции, на дороге у товарища фон-Мекка бывало премии...

— Довольно...

— Слушаюсь, товарищ следователь, — говорит Григорьев, — только я насчет справедливости. У меня ведь заслуги — я происхождения полупролетарского. Про отца не скажу, зато мать моя, честное слово, из рабочего класса, покойница.

— Вы мне мешаете.

— Нешто с таким сговориться, — бормочет Григорьев, любуясь глянцем своих начищенных сапог, — рад прижать интеллигентного человека. А потому, что — хам. Подумаешь, очковтирательство! Вот ежели бы рельсу свернули или бревно положили, тогда другое дело... А тут что? Помер покойник фон-Мекк, царство ему небесное, а то показал бы он таким судьям кузькину мать.

Н. КРЭН

НЕ ТО МЕСТО

Рис. А. Топикова

4 — Вам, товарищ, за Чеховым в магазин редкостей обратиться надо, а к нам незачем: у нас обыкновенный книжный магазин...

СЛУЧАЙ НА УЛИЦЕ БРАТЬЕВ ГРАКХОВ

— Эй, товарищ! — крикнул толстый веселоглазый гражданин, нежившийся на самой верхней полке, заведя в тумане высокого и тощего человека с жиденькой бородкой и кривыми ногами. — Будь добр, поддай пару!

— Я вам, уважаемый гражданин, не банщик, — желчно ответил бородатый гражданин. — Не мое дело пар поддавать. Я, уважаемый гражданин, — ответственный работник. Поддавайте сами, если требуется.

Бородатый ответственный работник, надменно подняв голову, продефилировал в самый угол парильни и, усевшись на первой полке, начал с ожесточением намыливать себя.

Толстый гражданин тактично промолчал, покачав головой, спустился вниз и, переваливаясь с ноги на ногу, направился к крану, брезгливо держа в руках покрытую многолетней слизью шайку.

«Ишь сволочь, — подумал бородатый гражданин и с еще большим ожесточением начал натирать мочалкой свое хилое тело. — Держит шайку, как ночной горшок. Интеллигентия! Буржуй недорезанный!»

Толстый набрал в шайку кипятку, выплеснул его на камни, висевшие унылой грудой в разверстой пасти печи, и предусмотрительно быстро отпрянул в сторону. Раздалось слабое, еле слышное шипение, и от печки чуть-чуть повеяло теплым паром. Толстый нацедил еще одну шайку, плеснул. Пару не последовало. Не падая духом, настойчивый толстяк хотел нацедить еще одну шайку, но сколько ни крутил кран, из крана не вытекло ни капли кипятку.

— Ну и баня! — вздохнул толстый гражданин и полез снова на полку.

— Баня, как баня! — вызывающе выкрикнул из своего угла бородатый ответственный работник. — А что кипятку нет, так это временные неполадки. Дров нехватило. А сейчас вот подвезли дрова. Слышите, колют?

На толстого гражданина это не произвело никакого впечатления.

— Временные неполадки! — заворчал он и обратился к задумчиво сидевшему без дела лысому банщику. — Скажите, пожалуйста, давно вы по вашей специальности работаете? Двадцать два года? Значит, и при прежнем владельце? Так... А тогда тоже оставляли посетителей без горячей воды?

— Да как будто не случилось, — отвечал правдивый банщик, опасливо косясь на насторожившегося бородатого ответственного работника.

Тот огорченно всплеснул руками и закричал из угла:

— Ты, Пахомыч, лучше скажи, какая эксплуатация была у прежнего хозяина! Ты говори, не стесняйся, давай отпор!

— Что касаемо эксплуатации, то при хозяине, спору нет, эксплуатация была хоть куда. Прямо скажу, невтерпех была эксплуатация. Но кипяток, конечно, тек.

Пахомыч собирался было на этом закончить свои воспоминания, но, увидев выражение лица бородатого борца с эксплуататорами, опасливо добавил:

— А эксплуатация при хозяине действительно была очень подлая.

И поспешил ретироваться подальше от неприятного для него политического разговора.

Выбравшись из парильной в предбанник, он облегченно вздохнул. На холодном каменном полу, покрытом в целях гигиены соломой, лежали, нежась в послебанной истоме, старожилы. Люди курили козьи ножки и папиросы «Гадость». Они смачно сплевывали под себя и вели истовый традиционный банный спор о том, у кого лошади лучше: у райисполкома или начальника милиции.

Пахомыч присел на корточки, быстро свернул козью ножку и ринулся в дискусию.

Затухавший было за отсутствием новых аргументов спор разгорелся с приходом Пахомыча с новой силой.

Параллельно продолжался все более обострявшийся разговор и в парильне.

— Ну и городок, — доносился сверху голос толстяка. — На весь город одна баня, да и в той нет горячей воды.

— Пардон-с, гражданин! Ошибаетесь! — волновался бородатый. — Не одна баня, а две.

— То-есть как две, когда мне в гостинице ясно сказали: «Поезжайте на улицу Братьев Гракхов, там, мол, у нас на весь город одна единственная баня топится».

— Топится одна, а имеются две. Эта — старая, а новая — на Малой Популярной. Только в прошлом году выстроили. Двухэтажная. Куколка. Кравица баня! По последнему слову техники баня!

— Вот вы бы ее и топили, а эту — клоаку — закрыли бы, — донесся сверху рассудительный басок толстяка.

— Ну, вы это, гражданин, полегче! Нечего государственное предприятие клоакой называть! Довольно странно такие слова слышать на семнадцатом году! А что касается новой бани, то ее пока что топить нельзя.

— А почему нельзя?

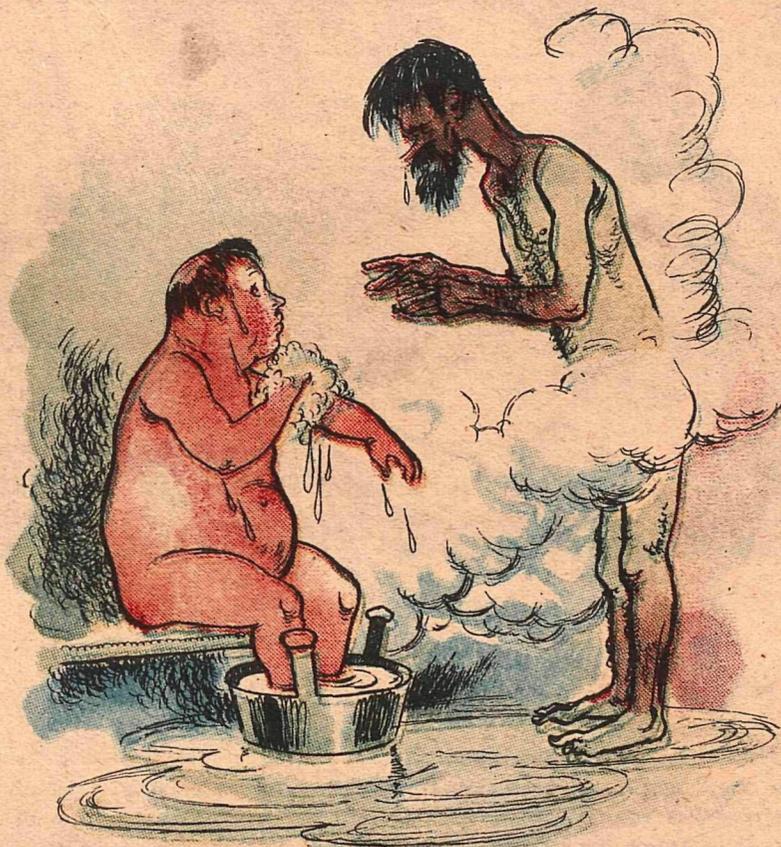

Рис. М. Храпковского

— А потому, что в ней трубы замерзли.

— Да ведь нынче лето! Июль месяц, — удивился толстяк.

— Ну и что ж, что июль. Не до бани сейчас рiku. Рик сейчас парк культуры строит. Заметьте, при царизме в нашем городе никаких парков культуры не было.

— А баня работала исправно, — возразил толстяк и сел. Он уже начинал терять надежду, что когда-нибудь потечет горячая вода.

— Значит, при капитализме было лучше? — задал его бородатый оппонент каверзный, полный желчи вопрос.

— Выходит, что насчет бань в вашем городе хуже, — отвечал, не замечая подвоха, толстяк.

— А когда новую баню пустят?

— А тогда будет лучше, — спокойно согласился толстый гражданин.

— А насчет парка культуры и отдыха?

— И насчет парка культуры и отдыха лучше.

— Значит, советская власть все-таки хорошая власть? — иронически спросил бородатый и пронзительно посмотрел на толстяка.

Вопрос был поставлен в упор. Толстый гражданин задумался и прикинул в уме, сколько времени он дожидается горячей воды. Вышло что-то очень много. Он махнул рукой и взбешенный полез с полок.

— Значит, дорогой гражданин, райисполком парк культуры строит? А потом уже за баню возьмется? Так-с! Оч-чень приятно! А при царизме

парка не было?! Что вы говорите?! А, ах! А вы мне, милый, не скажете, как отсюда поближе пройти к председателю райисполкома? Или к секретарю райкома?

— Уже не насчет бани ли вы, гражданин, с нами собираетесь разговаривать? — язвительно спросил бородатый.

— Вот именно-с! Насчет бани-с, с вашего позволения! Насчет дурацких порядков в вашем городе-с!

— Никаких дурацких порядков у нас в городе нет и не было, — с достоинством ответил бородатый, — за такие слова вы вполне свободно ответить можете. А вот к секретарю райкома с разговорами насчет бань действительно только дурак ходить может. Вы бы еще с ним насчет мочалок поговорили. И еще очень интересный факт: вас ответственный работник спрашивает о вашем отношении к советской власти, а вы отмалчиваетесь. И всякую агитацию ведете...

— Боже мой, — простонал вконец расстроившийся толстяк. — Боже мой, какой дурак! Привязался ко мне этот идиот с советской властью!

— Ах так, — торжествующе воскликнул бородатый, — идиот с советской властью?! Так вот вы какой типчик! Ладно!

И бородатый ответственный работник крупной рысью выбежал в предбанник.

В предбаннике никого не было. Все спорщики во главе с банщиком Пахомычем стояли в дверях и продолжали дискусию о лошадях, имея в качестве отправной точки серую в яблоках райисполкомовскую кобылу, стоявшую у бани.

— Вот пусть Иван Иванович скажет, — воскликнул Пахомыч, кивая на бородатого. — Пусть он скажет: у кого лошади лучше. Посмотрите, Иван Иванович, на исполкомовскую кобылку. Разве может она пойти против милицейской? По-моему, ни в жисть!

— Ты, Пахомыч, брось спорить, — отмахнулся бородатый. — Одевайся поскорей и сбегай в милицию. Скажи: Иван Иванович велел сказать, что в бане один буржуйчик засел. Констрик. Агитацию разводит. Пусть пришлют кого-нибудь протокольный составить.

Пахомыч понимающе шмыгнул носом, засуетился, быстро натянул портики, обул на босу ногу сапоги и побежал по улице Братьев Гракхов.

В это время райисполкомовский кучер заметил бородатого.

— Иван Иванович, — донесся с улицы плачущий голос кучера. — Я уже полчаса жду. Тут в бане

председатель из области моется. Товарищ Парамонов. Я за ним на вокзал ездил встречать, да мы разминулись. Я за ним в гостиницу. А там, говорят, пошел председатель в баню. Так вы, может, ему скажете, что его тут бричка ждет. А то у меня лошадь непоеная.

— Председатель! Из области! — обрадовался Иван Иванович и вдруг осекся. — А какой он из себя?

Он схватился за голову и, не дожидаясь ответа, ринулся в парильню.

— Кто здесь товарищ Парамонов? — спросил Иван Иванович прерывающимся от волнения голосом.

— Я — товарищ Парамонов, — отозвался дымившийся холодной водой толстяк. — Вы что, опять насчет советской власти спрашивать пришли?

— Что вы, товарищ Парамонов, что вы-с, — залебезил Иван Иванович. — Это я по глупости своей. Прошу прощенья. Я, товарищ Парамонов, пришел сказать вам, что из исполкома вам лошадь подана. Оч-чень хорошая лошадь. Полукровочка-с!

Выезжая на Малую Популярную улицу, Парамонов встретил спешивших по направлению к бане милиционера с папкой под мышкой и Пахомыча, деловито поддерживавшего брику. Лицо у Пахомыча сияло. Он был горд ответственной миссией, возложенной на него Иваном Ивановичем.

СЦЕНАРИЙ ПО ЧЕХОВУ

Рис. Л. Генча

Все нижеприведенное нами не перепечатано из киногазеты. Не перепечатано, говорим прямо. Но могло бы быть перепечатано столь многое и столь похожее на нижеизложенные строки, что мы смело утверждаем:

— Считайте, что это — перепечатка из киногазеты!

Н. Перекаров.

С Перегикин.

«ИОНЫЧ»

Кинофабрикой «Фильм-слезы» принят к постановке наш киносценарий «Ионыч» по одноименному рассказу Чехова. Уже сейчас можно сказать, что из нашего сценария получится произведение, гораздо более значительное, чем пустынный рассказик этого писателя реакционного безвременья. Да оно и не мудрено: сохранив пресловутые чеховские тона, мы в нашем сценарии нагнетаем идеи огромного мировоззренческого масштаба. Разумеется, после этой обогатительной операции слабый сюжет Чехова отпадает начисто.

В окончательном виде главным героем будущего фильма является не заживший врач-частник Ионыч и не члены вздорной семьи Туркиных, Нет! Весь центр тяжести сценарий, конечно, переносит на фигуру Пава — молодого пролетария, служащего в семье Туркиных в униженной должности лакея.

Близорукий и недалёковидный либерал Чехов, само собой разумеется, проглядел эту воистину огромную фигуру. Чехова хватило только на то, чтобы подглядеть, что вот, мол, четырнадцатилетний Паша — стриженный, что у него — полные щеки и что он по приказанию хозяина говорит трагическим шопотом: «Умри, несчастная!» Но тут в дело вмешиваемся мы, авторы сценария, и Паша, наконец, обретает достойную судьбу. Да! Главным героем фильма «Ионыч» будет именно Паша.

«СПАТЬ ХОЧЕТСЯ»..

Чтобы восполнить биографию Пава, нам пришлось воспользоваться материалами еще 30 рассказов Чехова. Зато теперь жизнь нашего героя рисуется так.

Чиновник Мигуев, гуляя вечером на даче, находит ребенка. Мигуев предполагает, что это — обольщенная им горничная Агния подкинула ему ребенка (рассказ «Беззаконие»). Но дореволюционный царский бюрократ ошибся: Агния не подкинула своего ребенка. Маленький Паша делит с матерью убогое гостеприимство дореволюционной бедняцкой деревни (по рассказу «Мужики») Мать умирает. Пашу везут через дореволюционную аграрно отсталую степь в дореволюционный коммунально неблагоустроенный город («Степь»). Пашу сдают в городе в учение сапожнику, и Паша задыхается в душной среде дореволюционного некооперированного кустарства. («Письмо в деревню»).

Затем Паша поступает в гимназию, но он задыхается в душной атмосфере царской гимназии («Случай с классиком»). Паша выходит из гимназии и поступает в услужение в дореволюционную семью Туркиных («Ионыч»). Но он задыхается в душной

атмосфере дореволюционной семейно-бытовой эксплуатации. Паша уходит от Туркиных и поступает в чиновники. Тут используется ряд рассказов Чехова («Винт», «Торжество победителя», «Анна на шее» и др.). Паша, конечно, торопится задохнуться в

душной среде дореволюционного чиновничества и уходит со службы.

Затем Паша меняет работу: то он занимается торговлей, то военной службой, то ремеслами, то выгодной женитьбой и т. д. И всюду он планомерно задыхается в атмосфере дореволюционных: демакшества, кулачества, рвачества и трюкачества. Тут используется 25 рассказов Чехова, 2

рассказа Лескова, один — Гоголя, один — Арцыбашева и повелеллы Польде-Кока.

В конце концов Паша бежит от дореволюционного быта в монастырь, где его назначают архиреем. Но Паша, конечно, задыхается от брюшного тифа в антисанитарной атмосфере дореволюционного монастыря и умирает («Архирей»).

Приводим отрывок из сценария (3-я часть).

На экране темно. Разнужданные звуки фокстрота. Постепенно открывается пьяная угарная вечеринка в семье помещика Туркина. Звуки фокстрота заглушаются бульканьем переливаемой водки. Хрип.

Крупно: доктор Ионыч блюет в диафрагму.

Общий план: танцующие зады. Танцуют: поп, офицер, камергер, адмирал, городской, дамы и другие представители старого режима.

Крупно: зады.

Рассвет. Звуки фокстрота замирают. Гости располагаются на четвереньках.

Крупно: вешалка. Висят николаевские шинели, ризы, мундиры и бармы. На полке, завершающей вешалку, — дворянские фуражки с красным околышем, шлемы конногвардейцев с орлами, цилиндры, треуголки, митры и шапки мономаха.

Подле вешалки дремлет Паша.

Гул. Паша поднимает голову. На него ползет толпа гостей на четвереньках. А в это время...

Наплыв. Деревня. Рассвет. Мужичонка встает на полевые работы. В музыке — «Дубинушка». Паша саркастически улыбается. Туркин, держась за стул, кричит:

— Паша, изобрази!

Паша грустно улыбается. Наплыв: степь. Ковыль колышется. Выскочил суслик. Кричит сова. Крестьянский хор поет народные песни Воронежской (можно и Симбирской) губернии.

Степь. Голос Туркина:

— Изобрази, сукин сын!

Паша горько улыбается. Он шепчет:

— Умри, несчастная!

Грохот: стоя на карачках, хохочут гости. Туркин блюет в диафрагму.

Диафрагма.

В. АРДОВ

Замерыя лишних людей

Он, конечно, «приемлет» революцию. Но он не всегда приемлет... Ах, дайте человеку право на самостоятельное мышление! Знаете, в революции есть столько странного...

А вокруг друзья и комментаторы:

— Вы не подумайте, это он только так, на словах... Вообще говоря, он свой человек. Свой!

— И вот увидите, если будет война, он пойдет воевать одним из первых. Одним из...

И вдруг — в пьяном ансамбле — трезвый голос: — На войну... Как же он пойдет на войну, ежели он человек пьющий?..

— Но он такой милый, удивительно обаятельный человек! Не правда ли?

— Ну, конечно!

А сам герой, положив голову на ладони, рычит: — Не с... согласен я... и... никогда не с... соглашусь!

Если б это рычал другой, — ему приписали бы двадцать уклонов... Но у этого, у Володьки, какие же уклады?.. Ведь он же милый, он же свой.

— За твоё здоровье, Володя!

Все как-то «мило» в нем — и коротенький пиджачок, и коротенькие ноги, и взерошенные волосы, и голубые глаза... Ну, конечно, он свой! Пусть болтает, неважно. Когда он трезв, он говорит совсем другое! Да и вообще, он не клеветает на революцию, нет, он только не согласен с некоторыми положениями... Вообще же говоря...

Вообще же говоря, никто не замечает, что он по существу давно уже — лишний человек.

Он всегда прав. Это его специальность.

— Что? Новый проект? Расширение цеха? Постройка еще двух корпусов?! Двух корпусов! Ну, знаете ли, это так легко не пройдет.

И он предсказывает: будут большие трудности. Очень большие. В частности, надо начинать не с достройки, а с постройки, и Дегтяреву этого поручать нельзя, это надо поручить Синичкину. Правда, Синичкин приедет только через полгода, но лучше подождать полгода, чем...

Не послушались. Постановили сначала достроить, потом строить и поручить Дегтяреву.

И, разумеется, он прав. Прав! Дело оказалось, действительно, чрезвычайно трудным. Много было препятствий. Совершенно верно. Дегтярев не совсем справился. Верно.

И, вот видите, — кто оказался прав? Разве он не предсказывал?!

Он бодренько обходит всех членов правления и всем говорит:

— Вот видите, разве я не был прав, когда предск...

Но достройка готова, постройка тоже готова, трудности преодолены, Дегтярев в процессе работы научился многому и с помощью коллектива ведет дело к концу, а предсказателю говорят — иногда ласково, а иногда с раздражением:

— Да ну тебя к чертовой бабушке с твоей вечной правотой и твоими предсказаниями!

Высокие сапоги, русская рубашка, пиджак. Это — один костюм. Пушистая серая пара, делающая его сразу похожим на иностранца, — другой костюм. Затем есть френч и военная фуражка. Каждый костюм имеет свое назначение.

— Он — гость. Это — его ремесло. Гостит он месяцев шесть в году, а то и больше. Его приглашают на сев, на уборку, на открытие заводов, на торжества по поводу выполнения планов, на юбилей театров, землячества, на всякие годовщины.

Его нельзя не пригласить. Нельзя. Он был на юбилее Кулагина, и на открытии железной дороги, и в Тифлисе на торжестве по поводу электростанции он был томадой. Затем он — приятный человек. Затем он не просто хвалит, как всякий гость. Он мягко указывает и на недостатки, так что в его устах похвала особенно ценна. Кроме того, он может сказать словечко Семену Ивановичу и товарищу Киндякову. Это существенно.

И вечный гость ждет новых и новых приглашений... У него всегда готов чемоданчик, в котором собраны необходимые вещи: бритвенные принадлежности, салол и сода — от изжоги, цитаты, выписанные на все случаи, путеводитель и прочее. Собирать все это каждый раз — хлопотно. Пусть будет наготове.

Он едет за несколько дней до торжества, остается на несколько дней после. Он улыбаясь, доброжелателен, приятен... Он смотрит на корпуса, на котлованы, на поезда, на электростанции, снисходительно покачивает головой и говорит:

— Мда...

И не всегда замечает взгляды, особенно молодые, в которых недвусмысленно написано, что такие профессиональные перманентные гости — это лишние люди...

НУЖЕН ПАМЯТНИК

Фотоомонтаж Б. Клинка

ПУШКИН: — Обратите внимание, граждане: хороший писатель, а до сих пор без площади!

Убежденный многолетний профессиональный консультант. Другое слово к нему не подходит. Он солиден, хорошо одет, спокойно сидит, опираясь на локоть, заложив ногу на ногу и корректно-выжидательно наклонив голову. Когда идет распределение должностей или перераспределение, то никому в голову не приходит писать против фамилии Виноградов Иван Семенович какое либо другое слово. Рука сама пишет: «консультант». Чего консультант? Почему консультант? Неизвестно. Но консультант. Он — необходимый приросток к правлениям, комиссиям и председателям. На пухлых руках — кольца. На руках других людей кольца вызвали бы удивление — советские люди не носят колец, — но на его руках кольца законны, как и большой старомодный серебряный портсигар. Он никогда не берет слова первым. Сначала внимательно и тяжеловесно слушает. Потом говорит. Говорит длинно, вятно, при чем — странная особенность — каждая фраза его понятна. Две-три фразы, поставленные в ряд, тоже понятны. Однако вся речь — непонятна, и все томится, пока он кончит. Но сомневаться в нем не приходится: он выглядит солидно и кажется необходимым. Каждый думает об его речи, что другой понимает ее. В учреждении он работает по два, по три года, совершенно незаметно. Увольняют его внезапно, без объяснения причин, но с выплатой, с отпусками и с уважением. На другой службе опять пишут: «Виноградов Иван Семенович — консультант». Когда он сидит в тяжелом, всегда новом костюме, розовый, солидный, ест бутерброд, поблескивает кольцами и портсигаром, то заседание правления или комиссии имеет «настоящий», «законный» вид. Все «правильно».

Врач. Испугался, что пошлют работать в деревню, — поступил в трест на место секретаря. Поработал год, подшивал бумаги, вызывал для начальства машины. Заговорили о чистке аппарата, — опять испугался. Перешел работать в контору завода. Тут решил, что будет спокойнее. В тресте часто получал замечания. Делал не то, не так. Просто срывали на нем дурное настроение. Думал, — здесь будет лучше. Оказалось хуже. Чувствует себя подавленно. Чувствует себя лишним. Понравилось вздыхать. Привык к этому. Встречается еще с двумя товарищами, у которых такие же истории. Вздыхают втроем. «Лишние люди». Но перестать быть лишними людьми и взяться за свою работу — не хотят...

Неизвестно, что ему нужно. Пробовал бороться с революцией всячески. Не выходит. Забыл все. «Переключился». Научился говорить почти исключительно с начальниками. Приобрел манеру смотреть не прямо и не в сторону, а куда-то около. Преодолея отвращение к лозунгам, бумагам, стилю партийных речей. Научился говорить общепринятым учрежденческим языком. «Провернуть вопрос». «На настоящем отрезке времени».

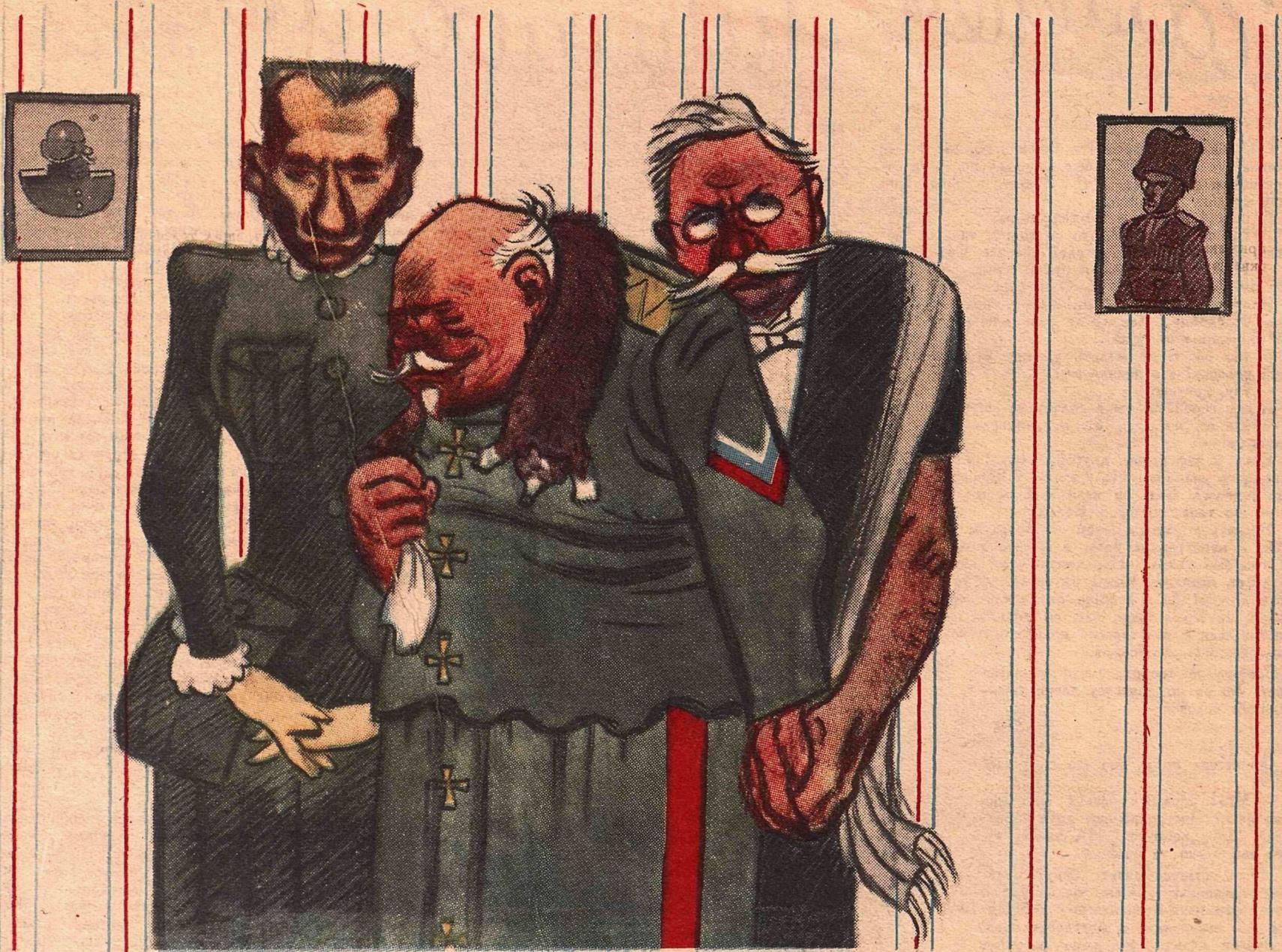
Но внутри сидит, клокочет незначительная язва. Живет надеждой. Может быть, неудача? А? Крушение поезда! Вот! Самолет упал! Вот! Продукты вздорожали! В Германии фашизм! А Первого мая — дождь! Дождь! Вот вам и парад! Вот и радуйтесь!

Выходит на улицу со специальной целью смотреть, как будут проходить мокрые, озябшие люди.

Но пока он собирается выйти и выходит, солнце сияет во-всю, демонстранты идут рядами и громко поют, а конный милиционер, вежливо наезжая на тротуар, оттесняет толпу и мягко говорит:

— Расходитесь, граждане, расходитесь! Лишние, расходитесь!

ЕФ. ЗОЗУЛЯ

КЕРЕНСКИЙ, ДЕНИКИН, МИЛЮКОВ: — В Москву, в Москву, в Москву!

СИРЕНА

Заседание ревизионной комиссии кончилось к шести. Ехать обедать на дачу было уже поздно, и все решили пойти закусить в какой-нибудь ресторанчик. Председатель Лукрециев торопливо составлял протокол, обиженно смахивая нахальную жирную муху с потной лысины. Секретарь Борзеев подбирает документы, свесив нижнюю губу и пощипывая бородку. Два члена комиссии — Клеонтов и Мокрых — дожидались, когда они кончат. Клеонтов подклеивал рваный червонец, а Мокрых дожевывал остатки бутерброда с икрой. Всем хотелось есть, и было жарко.

— Сейчас бы окрошечки хорошо, — мечтательно сказал Клеонтов, разглаживая червонец, — холоденькой особенно. Этакий, знаете, игристый квасок, а в нем, как уточки, плавают кусочки ветчинки, мяска... Сверху этакая ценная волнистость, а под ней яички накрошены... А уж тут и лучок пропущен зелененький, и лед на доньшке тает, шельма...

— А укропчик? — спросил Борзеев, отрываясь от документов. — Укропчик-то где?

— А как же без него, без родного, — платождно усмехнулся Клеонтов, — лежит он, извините, аппетитным ковричком сверху, а ты берешь ложку да в укропчик ее, в укропчик, подлюю, зацепишь полную, поднесешь ко рту, слегка причмокнешь и...

— А она горячая, — сердито вста-

вил секретарь Борзеев и сплюнул в сторону, — и льду в ней никакого нет. Квас есть, это верно. Теплый. И сви-нина салом пахнет. И тарелки подогреты. Ему, официанту, все равно, что он тебе подаст — шницель, крем либо окрошку. Вас, говорит, много, а я один.

— Третьего дня, между прочим, я ботвинью заказал, — поморщился Лукрециев, — только по цвету и догадался, что не мясная солянка. Зеленая. Зеленых солянок не бывает. Горячую и дали. Без рыбы подали сначала. Один хрен строганный и жидкость. Пришлось самому за рыбой на кухню итти — официант дежурство кончил, сменился, а осетрину забыл подать. Выдали. Отдельно ее доедал. А она гусем пахла.

— Жареные гуси мастера пахнут, — задумчиво заметил Клеонтов.

— И не говорите, — поддержал его Лукрециев, — и как еще пахнут. От клюквенного мороженого пахнут, от салфеток пахнут, а в одном ресторанчике на Зацепе так даже глицерин на столе гусем пахнут. А вы говорите, — укоризненно посмотрел он на Клеонтова, — окрошка! Типичный аллилуйщик.

— Окрошечка не нравится, не надо, — миролюбиво откликнулся тот и ласково подмигнул, — а мы с вами горячую соляночку рыбную закажем. Булькает это она, гадина, в кастрюльке, лимончик в ней, как лебедь, по-

жирку носится, а снизу рыбий хрящ выпирает...

— Ой, не говорите вы мне о рыбной солянке, — брезгливо поморщился Мокрых. — Где же это вы видели, чтобы она булькала? Сами вы булькаете, когда вам ее два часа на стол не подают... Весь хлеб с перцем с'ешь, слюной изойдешь, пока ее принесут... А какая радость, что принесли? На счет хряща я не протестую. Хрящ как таковой есть. А если он холодный? А если лимончик уже в третьей солянке состарился, а вам его четвертому суют? А ежели вам соли забыли в солянку положить, потому что повар с буфетчиком ругаться ушел... Холодная, не посоленая, скользкая...

— Я же не кончу так, — жалобно сказал Лукрециев, — у меня четыре особых мнсения, а меня тошнит... Перестаньте, пожалуйста...

— Тогда первого и не закажем, — примиряюще предложил Клеонтов, — а прямо хлопнем по второму. Вот, скажем, телячий шницелек...

— Телятину они из баранины делают, — безнадежно махнул рукой секретарь Борзеев, — на кухне у них всяких мясов, сколько угодно, а они их в порядке живой очереди расходуют... По четным числам, скажем, баранину продвигают. Цыпленка возьмешь, так и тот из баранины. По внешности — птичка божья, а из нее бараний жир бьет...

— Ой, — застонал Лукрециев и при-

давил платок к губам, — водички бы холодной, что ли! Мутит что-то. Перестаньте уж вы...

— А может, и одно сладкое закажем, — уже робко предложил Клеонтов, — сладкое оно сахарные витамины дает и подагру гонит. Из сладких крем — капитальная вещь. Лежит он пред тобой на блюдечке, как агнец невинный, и миндалем пахнет, а сбоку ситро в стаканчике янтарем брызжет...

— Идите к чорту с вашим кремом! — вскочил секретарь Борзеев и хлопнул кулаком по документам, — крем вам дадут! Агнца с миндалем захотели! Кисель вам клюквенный в стакане дадут!.. А в киселе прожилки синие, точно в телячьей туше... А ложечка жареной колбасой пахнет!.. Я тебе покажу ситро с янтарем! А мылом от кого пахнет? От меня или от ситро? Мылом, я тебя спрашиваю, от кого...

Лукрециев уже выбежал в коридор, оттуда сейчас же донеслись какие-то хлопющие звуки. Мокрых торопливо упикивал бумаги в портфель. Борзеев мрачно икал и хватался за голову.

— Так пойдем обедать, что ли? — тихо спросил Клеонтов, виновато опустив голову.

— А ну вас, — сухо заметил Мокрых, — идите сами обедать в нарпиковский ресторан.

И голодные поехали на дачу.

АРК. БУХОВ

ОГОРОДНАЯ ФАМИЛИЯ

Критик Константин Ильич Непоклебимов пришел домой сердитый и заперся в кабинете. Он был явно не в духе. Все раздражало его сегодня. В смежной комнате жена разговаривала с кем-то по телефону, томно вибрируя голосом. Это было пошло. Брат жены, — принесет же нелегкая человека, — затеял с тринадцатилетним сынишкой Петькой какой-то длительный спор о том, кто важнее в футболе — бек или голкипер, а Петька обрадовался и предавался рассуждениям вместо того, чтобы готовить уроки. И потом еще Ньюша. Что у нее за дурацкая манера топтать ногами и хлопать дверьми, будто слон движется по квартире. Когда она уж привыкнет, что она не у себя в деревне, а в Москве, в культурной квартире...

Константин Ильич подошел к двери и сказал ядовитым, как ему показалось, голосом:

— Клавдия, ты, может быть, сократишь телефонные монологи. Я, кажется, сел работать!

Он затворил плотно дверь и зажег настольную лампу.

Через пять минут перо его уже истекало критическим ядом. Он был очень тонкий и принципиальный критик, не то, что некоторые другие. Сегодняшняя статья, которую он мысленно видел уже напечатанной в одном из толстых журналов (обязательно в толстом), посвящалась поэтическому фронту.

«Между тем, — писал он, — замкнутые в себе эстетсы продолжают упорствовать и писать стихи, во-первых, на лирические темы, что совершенно недопустимо и неприлично в наше время, и пишут умышленно красиво-эстетским языком, чтобы никто ничего не понял. Ярким примером такого мелкобуржуазного распушенно-богемно-рафинированно-эстетского творчества, которому и посвящаем мы эту нашу работу, является поэт...» — Является поэт... является поэт... чорт возьми, как его фамилия.

Фамилия поэта вылетела из головы. Константин Ильич нервно прошелся по комнате, закурил папиросу, — фамилия провалилась. Он выпил стакан воды, — злосчастный поэт все не приходил на память.

— Петька, — крикнул Константин Ильич, — поди сюда. Вы вот в школе стихи учите. Назови мне, каких там поэтов вас заставляют учить.

— Поэтов? Некрасов, — сказал Петька и, помолчав, прибавил, — еще Пушкин.

— Пушкин! Я про Пушкина без тебя знаю. Из современных, советских поэтов кто?

— Из советских — Светлов, — обрадовался Петька.

Непоклебимов вышел в столовую.

— Понимаете, — сказал он, обращаясь к жене и к брату-футболисту, — смешной случай, забыла фамилию одного поэта. Известный поэт и фамилия известная, а вот — забыл.

— Наверно Уткин, — сказала жена.

— Или Маяковский, — пробасил братец.

— Да нет, какой там Уткин. Это такая оригинальная фамилия. Что-то такое садовое или, вернее, огородное. Понимаете, овощное что-то.

— Морковкин, — сказал Петька и нагло захохотал.

— Пошел спать, — заорал Непоклебимов, — я тебе такого Морковкина дам! В пятой группе, а поэтов не знаешь. Олух!

Он ушел в кабинет и стал ходить из угла в угол, растирая пальцами виски.

— Как же его зовут, чорт возьми? — шептал он.

— Петрушкин? Нет не Петрушкин. Огурцов — тоже нет. Арбузов, Тыквин, Чесноков — все не то.

— Баклажанин, папа, — вскрикнул Петька из другой комнаты.

— Молчи, когда тебя не спрашивают, — заревел разъяренный критик.

Часы в столовой пробили двенадцать. Давно ушел брат-футболист, Петька спал безмятежно, а Непоклебимов все мучился в поисках.

Вошла жена. Она сказала мягким голосом, как четырнадцать лет назад.

— Косик, дорогой, не волнуйся. Может быть, Укропов... Тебе вредно волноваться. У тебя сердце. Возможно, Луковичкин. Косик, не волнуйся, наверное, Луковичкин.

— Оставьте меня в покое, — простонал Непоклебимов. — Ты глупая, некультурная женщина. Ты доставляешь мне моральные пытки своим невежеством. Разве может быть поэт с фамилией Луковичкин.

— Но ты же сказал, что фамилия похожа на овощ.

— Да, но не на эту овощ. На другую.

— А может, ихняя фамилия Бурак, — сказала появившаяся в дверях Ньюша. Это было уж слишком.

— Убирайтесь все вон, — рассвирепел критик. — Не давайте идиотских советов.

В столовой затрещал телефонный звонок.

— Косик, тебя, — сказала жена. Звонил брат-футболист.

— Константин Ильич, голубчик, я уж спать лег, а все думаю насчет фамилии и в трамвае думал, всю дорогу думал. Может, Зеленогоршков, а Константин Ильич? Или Спаржин? Нет такого, Спаржина?

— Нет Спаржина... И Зеленогоршкова нет.. Вы — кретин, если вы будете приставать ко мне, я вам плаюну в физиономию...

Ночь он провел без сна. Утром, когда он, стиснув зубы, лежал на диване мучительно припоминая загадочную фамилию, до его слуха донесся голос Ньюши.

— А сметаны нету. Была сметана по два рубля кружка, а вы сказали по полтора, дороже не брать. Картошки купила два кило. А чем перец начинять будете, — не знаю. Морквы нет, сельдерей нет, пастернаку нет...

Из кабинета раздался вопль. В дверях выросла фигура Константина Ильича. Глаза его были навывкате, волосы взлохмачены. Он смеялся блаженно-радостным смехом и кричал:

— Что?! Пастернака нет? Врете! Есть Пастернак! Кто был прав, ха-ха-ха-ха... Есть Пастернак, ага...

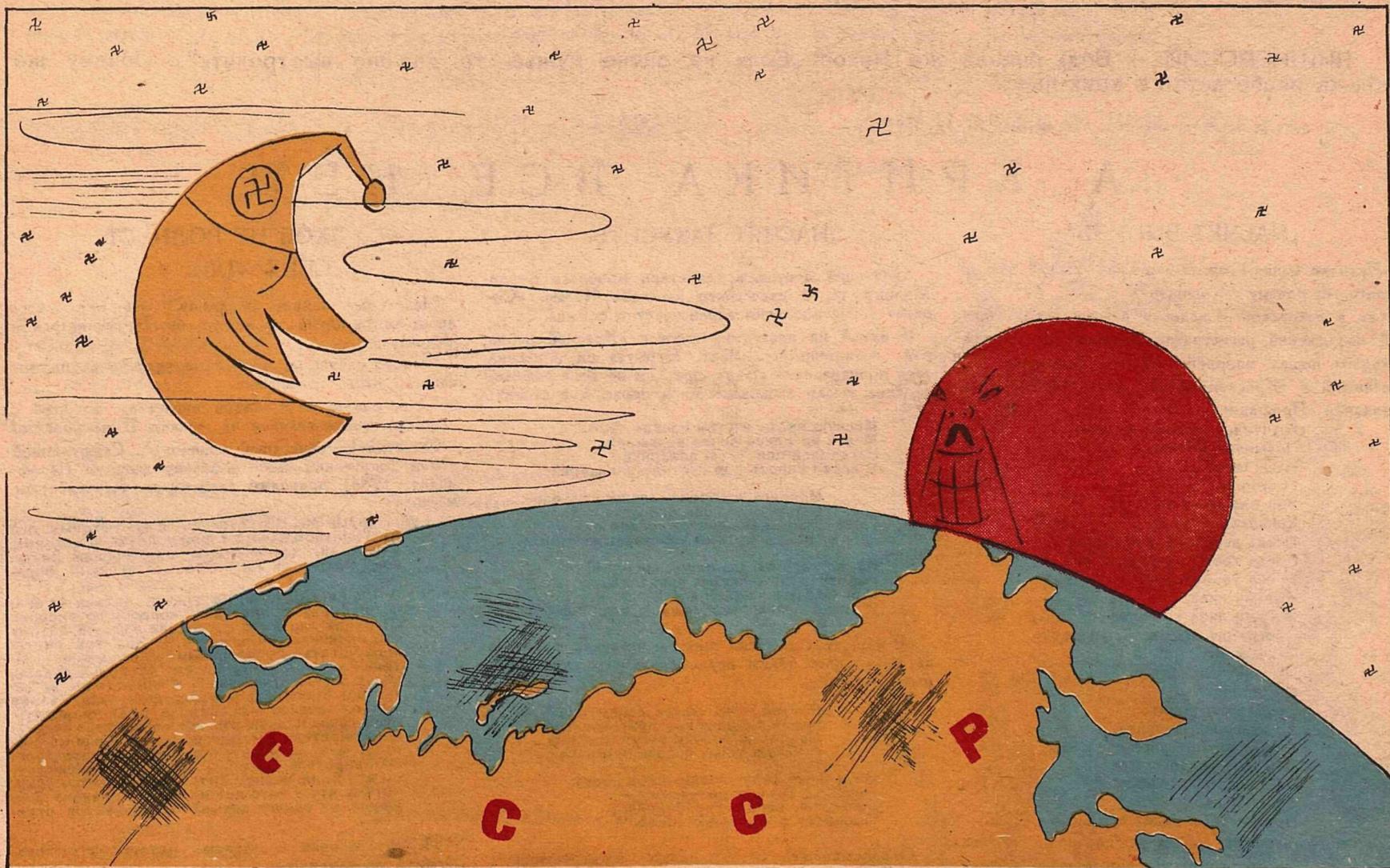
Через пять минут перо его истекало критическим ядом. Он был серьезный и знающий критик. Не то, что некоторые другие.

КАПИТАН ГАТЕРАС

КАК ЭТО У ЧЕХОВА?

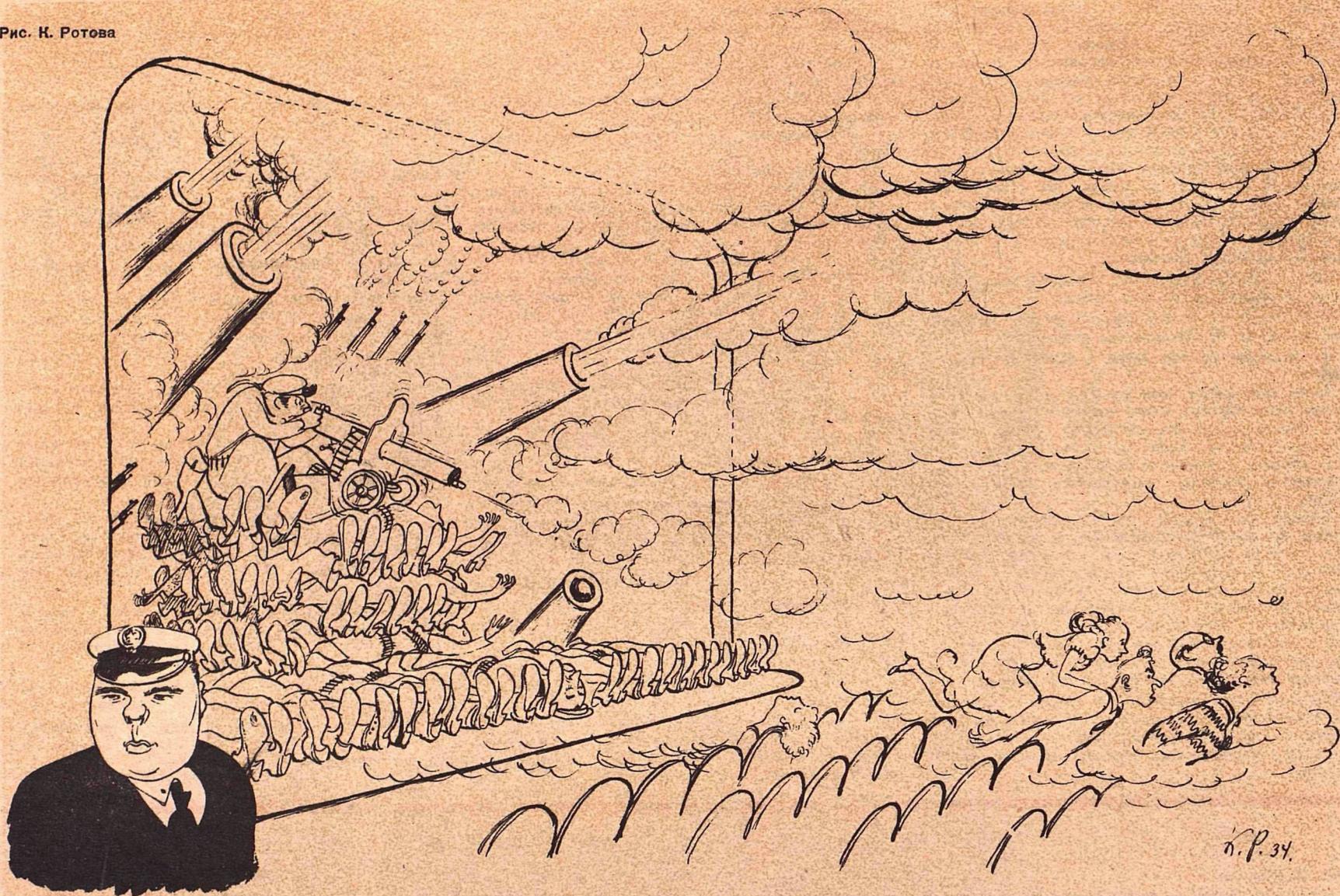
(Отрывок из феерии „Солнце и месяц“)

Рис. Л. Бродаты

СОЛНЦЕ: — „Приятно было бы щегольнуть перед Западной Европой, но едва ли там оценят нашу затею... Тамошние дипломаты считают себя специалистами по части затмений, а потому удивить их трудно... Остается, стало быть, Россия... Ну-с, наводи тень на Москву, но тоже с умом“...

Рис. Н. Ротова

ВИШНЕВСКИЙ: — Ведь сказал же Чехов: „Если на сцене ружье, то должно выстрелить“... Почему же публика разбегается с моих пьес?

...А КРИТИКА ВСЕ НЕТ!

„НАСЧЕТ ВЫПИТЬ“

«Пить во всякую минуту можно... Ежели насчет выпить, то почему не выпить?»

Так в чеховской «Свадьбе» рассуждает отставной коллежский регистратор Жигалов, по стопам которого пошел молодой поэт Я. Смеляков, поместивший в «Красной нови» стихотворение под названием «Прощание»:

Я устал. Я закончил слово.
Поднимает моя рука
Чашу желтого,
Голубого —
Как мне кажется —
Коньяка...
Поезд двинется. Тихо, криво.
Поезд тронется. Через час.
Поезд тронется,
Выльем пива,
Выльем пива в последний раз...
Прогремит. Как я рад увидеть
Реки, мост.
По хребтам мостов
Он стучит.
Предлагаю выпить
За движение поездов.
За окраску вагонов спальных.
Против нажитого угла.
За дожди в сентябре.
За дальний,
Неизвестный полет щегла.

Можно выпить за движение поездов, можно выпить и за их опоздание. За дожди в сентябре и за солнце в июле.

Словом: «ежели насчет выпить, то почему не выпить?»

„НАСЧЕТ ЗАКУСИТЬ“

Любивший покушать секретарь мирового съезда Жилин — герой известного рассказа Чехова «Сирена» — благополучно здравствует и поныне.

В одной из последних книжек «Красной нови» под псевдонимом «Влад. Нарбут» он поместил свое произведение «Еда», при чем на этот раз жилские мысли выражены не в прозе, а в стихах:

Мясную кость внутри сосало тихо,
Мозги качались возле волдырей,
Когда (для аппетита) повариха
В котел сквозь пар пустила сельдерей.

Меняясь в образе, плашмя летело
Среди картошек овощное тело,
Пока, держась на уровне одном,
Цибуля мутным двигалась пятном.

Ну, до чего же мы народ веселый!
Работу любим, любим разносолы,—
У пожилых лоснятся лоб и плешь,
И сам в мурашках жмешься, если ешь..

«В мурашках жмется» также и читатель, которого автор угощает таким неудобоваряемым стихотворным блюдом:

Костей углы, сферическая овощь —
Какое разреzenie пригостишь?
Спиралью запахи бегут от блюда,—
В канюю точку гвоздь они вобьют?

По шляпке этот гвоздь учеба кроет,
Наука не гнушается — корит,—
Гиперболу ведет гиперболюид,
Парабола с нормалью говорит.

Ознакомившись с последним четверостишием, можно сказать по адресу автора словами другого чеховского героя:

«— Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном!».

ЧЕХОВ НЕ ВОЛНУЕТ СЕЙФУЛЛИНУ...

Некоторые наивно полагают, что нет такого писателя, который не мечтал бы соревноваться с Чеховым.

Однако сейчас, в юбилейные чеховские дни, мы сказать этого не можем.

Есть, оказывается, такой писатель, который с Чеховым соревноваться не жалеет. И не просите!

Из недавно вышедшей книжки Л. Сейфуллиной «Мой творческий опыт рабочему автору» (Профиздат, 1934) приводим следующее античеховское место:

ВОПРОС. Пользуетесь ли вы Чеховым, его мастерством давать героя короткими мазками, штрихами, законченным коротким рисунком? Читали ли вы Чехова до писания «Виринея»?

СЕЙФУЛЛИНА. Не только читала (я сначала ответила на последний вопрос) до писания «Виринея», но я его проходила в школе, потому что окончила гимназию, и Чехова там считалось читать обязательным. Я его знала и читала, но я вообще никак не пользовалась, когда писала «Виринею». Я тогда еще не научилась проверять и обуздывать себя. Но на Чехове позднее я пробовала себя проверять. Есть такое индивидуальное восприятие отдельного писателя у каждого: Чехов меня не волнует, мне не хочется с ним соревноваться. Это писатель, который меня не возбуждает, он для меня, может быть, слишком культурен, потому что у него нет ни одного резкого движения ни одного взрыва человеческой страсти...

Перефразировав известную цитату из Чехова, хочется воскликнуть:

— Через двести-триста лет Сейфуллина, может быть, поймет, что Чехов был великий писатель...

НОТАРИУС С УЛИЦЫ САНТ-ОНОРЭ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Дорогой Крокодил!

На днях вышел «Сборник руководящих материалов в помощь работе ИТС животовхозов и НИТОЖ». Издание ЦК союза РЖС (рабочих животноводческих совхозов).

В сборнике помещено «Положение об инженерно-технической секции», в котором текстуально говорится следующее:

«ИТС ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ПРАВО ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ СВОЕГО СОСТАВА ЛИЦ... ПРОЯВИВШИХ ШТРЕЙК-БРЕХЕРСТВО ВО ВРЕМЯ СТАЧКИ, ОБЪЯВЛЕННОЙ ИЛИ САНКЦИОНИРОВАННОЙ СОЮЗОМ».

Я внимательно еще раз перечел название книжки, год ее издания, место издания и ее издателя и теперь спрашиваю тебя, дорогой Крокодил, возможно ли это, или меня обманывает мое собственное зрение?

А. ЗУБАРЕВ.

Москва.

Дорогой Крокодил!

В «Вечерней Москве» была напечатана телефонограмма из Ленинграда о том, что «в Ленинградском зоологическом саду у львицы «Фатьмы» среди новорожденных ребят оказались львята с волчьей пастью. Львица отказалась кормить их, и они погибли. Оказалось, что сама «Фатьма» была вскормлена на собачьем молоке».

Я обращаюсь к некоторым зоологам с вопросом, могут ли у львицы родиться дети с волчьими пастьями, если ее кормить собачьим молоком. Зоологи конфузливо отмалчивались. Один из них довольно ра-

зумно ответил, что если, например, тигрицу кормить овечьим молоком, то из этого не следует, что у ее детей будут коровьи рога, и что подобную теорию следует отнести за счет зоологических познаний «Вечерней Москвы». Если это так, не укажешь ли ты, какими научными источниками пользуется «Вечерняя Москва» при составлении подобных зоологических сентенций?

Москва.

Д. СВЕРЧКОВ.

Дорогой Крокодил!

Разъясни мне, пожалуйста, как отнестись к следующему плакату, прибитому к вагону поезда, отвозившего на ДВК строительных рабочих из ЦЧО.

«ПОЗОР БУДУЩИМ ПРОГУЛЬЩИКАМ И ПЬЯНИЦАМ!»

Я вполне понимаю, что позорно быть и прогульщиком и пьяницей, но как можно в плановом порядке предусмотреть, кто именно будет прогульщиком, а кто пьяницей и ориентировочно предавать их позору, — этого я никак понять не могу. Если ты понимаешь, — объясни.

А. ПАЦКОВ.

ст. Раевка, Сам.-Злат. жел. дор.

Дорогой Крокодил!

Я полагаю, что за питье пива никакого, конечно, наказания не полагается, но никогда не думал о том, что за это полагается особая премия, да еще в совершенно неожиданной форме. Жизнь мне показала не-

сколько иное. Так на станции Ачинск, Томской жел. дороги, в магазине ОРС Тайгинского ТПО всем покупающим пиво вместо сдачи выдается бланк удостоверений для колхозников. Объясни мне, почему именно каждый любитель пива должен располагать колхозным удостоверением и, наоборот, почему именно, по мнению заведующего ОРС, путь в колхоз лежит обязательно через приобретение у него одной или двух бутылок пива?

Л. БУДАНЦЕВ.

ст. Ачинск,
Томской жел. дор.

Дорогой Крокодил!

Мы знаем, что каждое советское учреждение должно заботиться о культурном обслуживании своих клиентов, и поэтому не протестуем против Чугуевского почтового отделения, когда оно пытается регулировать читательские интересы к тому или иному изданию. Но все-таки я бы очень хотел узнать у тебя, по поручению моих сограждан, что делать, если подписываешься на журнал «Вокруг света», а тебе присылают не менее полезный, но все-таки несколько иного направления журнал «Животноводство»? Вот мы теперь собираемся себе выписать тебя, а что нам делать, если вместо тебя нам пришлют журнал «Нарпитовец»? Научи! Может быть, подписаться на «Нарпитовец», и тогда почта нам будет присылать «Крокодил»?

Ф. ЖУЙБОРОДА.

с. Малиновка,
Чугуевского района.

ЧЕХОВ О СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЯХ

ТРЕХТОМНИК

(под редакцией Генриха Пайне)

ТОМ I

ОГЛАВЛЕНИЕ:

„Актёрская гибель“	— Киршен
„В бане“	— Зощенко
„Дама с собачкой“	— Вера Инбер
„Заблудшие“	— Селивановский, Усевич, Зелинский

ТОМ II

ОГЛАВЛЕНИЕ:

„И то и се“	— Лапин и Хацревин
„Индийский петух“	— Сельвинский
„Контрабас и флейта“	— Жаров и Уткин
„Капитанский мундир“	— Вишневский
„Ночь перед судом“	— Бройде
„На чужбине“	— Эренбург
„Оба лучше“	— Ильф и Петров
„Праздничная повинность“	— Джек Алтаузен
„Последняя могиканша“	— Ольга Форш
„Персона“	— Ставский

ТОМ III

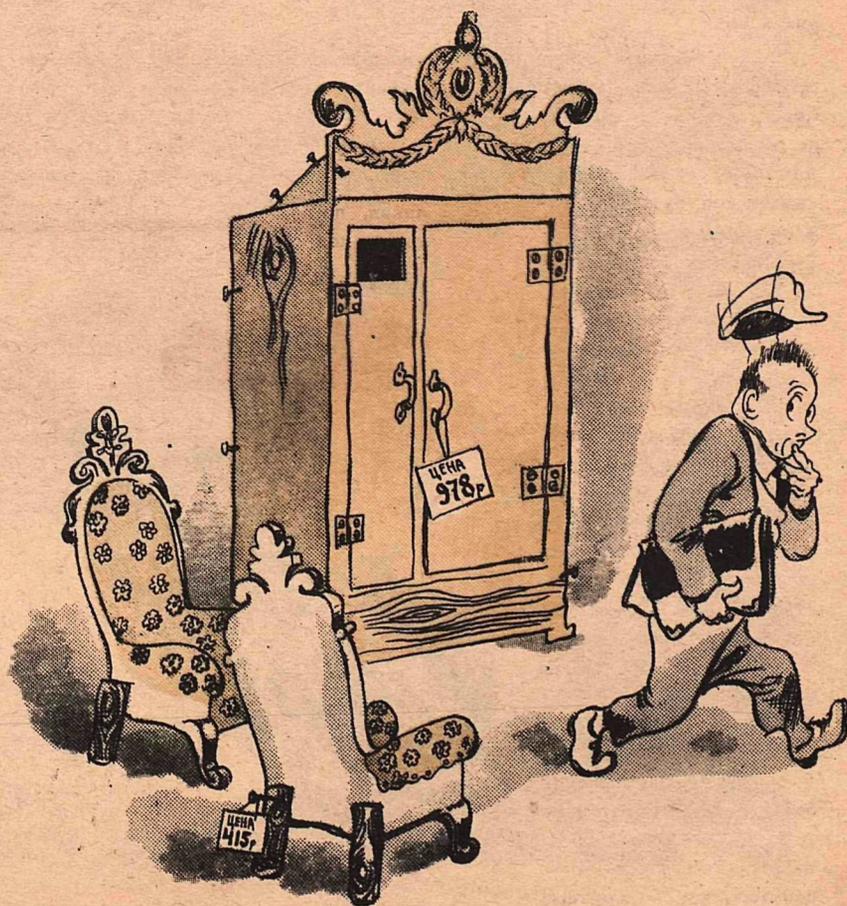
ОГЛАВЛЕНИЕ:

„Каштанка“	— Киранов
„Свистуны“	— П. Ваюльев, С. Ваюльев
„Сонная одурь“	— Бахметьев
„Трагик поневоле“	— Олеша
„Три сестры“	— Кукрынички
„Упразднили“	— В. Кириллов
„Случай с классиком“	— Л. Леонев

Составил ГЕНРИХ ПАЙНЕ

О ЖИВШАЯ ЦИТАТА

Рис. М. Храпковского

— Теперь я понимаю, почему это чеховский Гаев говорит: „Дорогой, многоуважаемый шкаф!“ ...

ДУШЕЧКА

Зиночку Кукаеву все знакомые дамы называли душечкой. Такая она была милая и симпатичная, и глазки у нее были голубые и кроткие и голосок нежный, — душечка да и только. А как она исполняла романсы, когда собирались гости в день ее именин или по случаю отъезда Нила Петровича в отпуск! Бывало запоет «Дремлют плакучие ивы...» или «Сладким запахом сирени напоен душистый сад...», и вы чувствуете, что вас захватывает и куда-то несет, и подымает, и бросает...

— Душечка, — просили умиленные гости, — вы бы спели еще «У маленького Джонни горячие ладони...» Это у вас так чудненько получается...

— Нет, — отвечала душечка, — уже поздно. У меня-то именины, мне весело, но Нильчик устал после работы. Ему нужно отдохнуть, у него завтра столько дел, столько дел...

Муж Зиночки Нил Петрович Кукаев работал на строительстве. На каком точно строительстве, Зиночка не знала, но знакомым говорила, всплескивая руками и с дрожью в голосе:

— Вы знаете, Нильчик — он и организатор, он и по финансовым делам... Без него бы там все остановилось.

Зиночка сама не работала нигде.

— Нильчик так устает, так много работает, — говорила она знакомым дамам, — что ему нужен отдых и семейный уют. Вы не знаете, сколько забот, сколько забот. Кирпич запаздывает... Нет фановых труб, и потом белила, белил не достать ни за какие деньги. Вы ж понимаете, какая может быть отделка без белил. А тут еще заметки в газетах пишут, комиссии обследуют... За два месяца пять комиссий. Мы с Нильчиком просто извелись... Детей Зиночка тоже не имела.

— Дети в наше время, — говорила она знакомым, — должны быть обставлены всеми удобствами. Мы считаем преступлением иметь детей, когда живешь в двух комнатах. Детской нет. Молоко дорогое, а игрушек просто недокупишься... И потом все внимание, все заботы мы отдаем строительству.

Но со строительства Нил Петрович скоро ушел. Произошла какая-то неприятная история с перерасходом денег и материалов, и Нил Петрович, не дожидаясь развязки, перебросил себя на работу в издательство как организатора и вообще специалиста.

— Мы работаем теперь на книжном фронте, — говорила Зиночка знакомым, — Нильчика перебросили. Сколько забот, сколько забот. Вы себе не представляете, как сложно сейчас работать на книжном фронте. Раньше мы печатались на вышхимзовской бумаге, а теперь перешли на Балахну. Но Балахна не выполняет планов. Это чорт знает, что такое! Люди тут работают, как каторжники, а они там, на Балахне, неизвестно, что думают. А типографии? Вы знаете, что делают типографии? Они задерживают клише. Набор лежит в гранках, а верстать нельзя. Они говорят: «Нет цинка». Делали бы как-нибудь без цинка. Это ужасная работа. Мы безумно устаем...

Осенью Нил Петрович как культурный работник и вообще организатор очутился в управлении цирками и эстрадой. В издательстве почему-то не понадобились крупные специалисты, и он, учтя это, во-время ушел. Зи-

ночка сделала себе осенний костюм, серый в полосочку, выкрасила волосы в светлорыжий тон и аккуратно посещала все представления в театрах, получая лучшие места по запискам Кукаева...

Она забросила стихи Уткина и перестала петь «Маленького Джонни». Она стала читать аккуратно «Вечорку» и журнал «Театральная декада».

— Мы с Нильчиком работаем сейчас на театре, — говорила она, встречая знакомых. — Театр в наше

ЧЕХОВ О ШВЕЙНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Рис. Н. Ротова

«ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ».

время — это не развлечение, а мощный рычаг. Вам вот хорошо сидеть в пятом ряду и аплодировать. А если бы вы знали, какая это сумасшедшая работа управлять всякими такими зрелищами. Тысячи неприятностей. А сколько препятствий, сколько забот и беготни. Вот, например, эстрада. У нас запрещают выступать детям, но иностранный номер не хочет работать без детей. И потом заставляют страховать сеткой. Ну, кому же интересно работать на перше, если внизу висит сетка? Публика платит деньги не за то, чтобы смотреть на

сетку. А с джазами — это же просто зарез. Все ругают, одни говорят, что саксафон понижает производительность труда, другие говорят, что не понижает, а мы ломаем голову над составлением программ. Нильчик совсем извелся. У него, знаете, воротнички были 42-й номер, а сейчас 41-й и то свободны...

Весною разразилась катастрофа. В управлении открылись растрата, бесхозяйственность и какие-то темные дела с распределением дефицитных товаров. Кукаева выгнали. Зиночка очень расстроилась и говорила знакомым со слезами в голосе:

— Вот так всегда, так всегда бывает. Человек работает, не жалея себя, стораает на работе. А потом его же оклеветают и обольют грязью. Вы не знаете, что такое закулисная жизнь. Я говорила Нильчику не раз: брось искусство, поступи куда-нибудь в Торгсин или в Наркомвод, там работа, которая тебя увлечет. Есть тысячи должностей увлекательных и полезных и с пайками. Он не послушал меня, а вот что получилось...

Друзья Кукаева советовали ему: «Брось, Нил, не расстраивайся, хуже бывает. Тебе теперь нужно временно исчезнуть с горизонта, знаешь, куда-нибудь подальше. И тебе легче, и разговоров меньше будет».

Летом Зиночка поехала в Крым. В конце концов после всей этой трепки нервов ей нужно было море и солнце. Она ела много винограда, поправилась и так загорела, что знакомая дама, увидев ее на пляже, всплеснула руками и вскрикнула:

— Душечка, какая же вы прелесть! Вы чудненько загорели.

Душечка и впрямь была очень хороша в своем голубеньком купальном костюме с белой оторочкой и в резиновой шапочке, настоящей заграничной шапочке, которую ей подарил муж. Когда знакомая дама разделась и присела рядом на песочек, Зиночка ткнула пальцем в лежавший перед нею газетный лист и сказала с возмущением:

— Вот видите, даже здесь, на отдыхе, нет ни минутки покою. Вы читали последний номер «Гудка»? Как, вы не читаете «Гудок»? Что они только пишут! На станции «Большие курдюки» из-за преступной халатности опять столкнулись два маневровых паровоза. Администрация спит и хлопает ушами. Боже мой, спит! Люди работают по 25 часов в сутки, и сколько забот и какая ответственность. Вы понимаете, путевое хозяйство разрушено прежними работниками, шпалы нужно менять. И потом буксы... Ведь это же сплошное несчастье. Они почему-то горят. И погода нежаркая, а они горят. Вы не знаете, почему они горят?..

— Не знаю, душечка.

И почему вы так волнуетесь? Горят и пусть горят. Я вот свое шифоновое платье уютюгом спалила — и то ничего. А вы из-за каких-то букв расстраиваетесь...

— Да как же мне не расстраиваться, — чуть не заплакала Зиночка. — Ведь мы-то сейчас работаем на транспорте, а транспорт — это рычаг. — Она набросила поверх костюма халатик, на ноги белые туфельки и, кивнув головой приятельнице, пошла по дорожке, поднимаясь на горку. Волосы у нее развевались, халатик пестрел цветочками, и была она вся такая миленькая, симпатиченькая, чудненькая — душечка.

Б. КОВАЛЬ

Рис. Л. Бродаты

«Скрипка Ротшильда» (по Чехову) и, кстати, балалайка Ротшильда (уже по Музтресту).

Рис. Л. Генча

Председатель месткома Куропяткин поправил очки, выступил вперед и, обратясь к Лукову, сказал:

— Товарищ Луков! Иван Петрович! От имени нашего коллектива я приветствую в твоём лице и фигуре неумолимого борца на лимонадном участке социалистической стройки. Под твоим долголетним боевым руководством... Более чем в продолжение целых двух лет наш трест добился решающих успехов по снабжению города прохладительными напитками. В знак нашего уважения позволь передать тебе этот альбом с портретами твоих ближайших соратников.

— И пожелаем, — подхватил Кабанский, глядя на Лукова преданными полканьями глазами, — ...и пожелаем, чтобы славный вымпел товарища Лукова ещё долгие годы реял над кровлей лимонадно-ситрошного треста!

Растроганный Луков покраснел от удовольствия. — Товарищи! — сказал он дрожащим голосом. — Этой минуты я не забуду до самого крематория. Никак не думал, что вы будете так отмечать... э-э-э... мой скромный юбилей.

Луков, председатель треста, поцеловался с ответственным исполнителем по краскам и сиропам Кабанским, который даже зажмурился от восторга.

Вечером на квартире Лукова состоялось небольшое интимное суаре. Из сослуживцев были только «углы»: Пирамидов — партийный «угол» и Куропяткин — профсоюзный. Юбилейный ужин весь состоял из тостов, речей, объятий и напитков, не имеющих отношения к производству лимонадного треста. В конце ужина Лукову показалось, что он и в самом деле добился решающих успехов по снабжению жаждущих граждан прохладительными напитками.

— Товарищи, — сказал он перед десертом, — пусть это не покажется вам смешным, но три часа тому назад я был счастлив и растроган. Да, товарищи, растроган. Вы знаете, как трудно приходится хозяйственнику, особенно пищевику, в наше нервное время. Газеты тебя поедом едят за качество продукции. Комиссия советского контроля тянет, ни от кого не слышишь ласкового слова. А пищевик, товарищи, тоже человек, ему тоже хочется тепла и ласки. И вот мои подчиненные поднесли мне альбом. Они оценили мое руководство. Пирамидов, старик, ты заметил, как блестели глаза у этого добряка Кабанского? Выпьем, Пирамидов, за Кабанского, чорт с ним!

Праздничные физиономии нагнулись к альбому и стали его рассматривать.

— Между прочим, альбомчик так себе, — нетактично сказала дочь Лукова Оля, — рублей двадцать стоит, не больше. Смотри, папка, картон уже отклеивался.

Через пять дней после юбилейного ужина товарищ Луков был снят с поста председателя лимонадно-ситрошного треста. Неожиданно для Лукова выяснилось, что погруженные в пучину антисанитарии фабрики треста изготавливают напитки, каковые не охлаждают жаждущих граждан, а, напротив, повышают их температуру до 38 и больше градусов, способствуя распространению острых желудочных и кишечных заболеваний. Особенно неблагоприятными оказались дела у Кабанского — ответственного исполнителя по краскам и сиропам, с которым Луков целовался в день юбилея. Выяснилось, что местные предприимчивые художники давно уже нашли для сиропов добряка Кабанского настоящее применение: они разрисовывали сиропами свои платные халтурки.

Дома расстроенного Лукова ждали новые неприятности.

— Оля заболела, — сказала жена председателя снятому мужу, — выпила на улице воды с сиропом и сейчас невыносимо страдает.

Луков пошел к телефону вызывать к страдальце врача и вдруг увидел на столике юбилейный альбом.

— Вовка, возьми себе эту дрянь, — раздраженно сказал бывший председатель сыну и мрачно удалился в свою комнату.

Вовка распорядился с альбомом по-своему. Не теряя золотого времени, он вытащил сотрудников лимонадного треста из насиженных гнезд и вставил вместо них челюскинцев. Выселенных из альбома сотрудников он попытался с помощью цветных карандашей одеть в форму летчиков. Когда это ему удалось, он вырезал из картона Кабанского, уже украшенного большими изумрудными усами до глаз, укрепил его на коробке из-под спичек, повесил на плечо мосторговское ружье, стреляющее пробками, и пошел к отцу.

— Папа, смотри, мишень для ворошиловского стрелка, — сказал он, снимая свое оружие.

Бывший председатель улыбнулся было бледной улыбкой, но, узнав приторные глаза и похабную причёску ответственного исполнителя по краскам и сиропам, рассердился.

— Пошел вон, болван. Не приставай с глупостями, когда отец расстроен.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

„А ЧЕЛОВЕКА — ЗАБЫЛИ“

РЕАЛИЗОВАННЫЕ НАЗВАНИЯ

Рисунки А. Топикова

„ОТКРЫТИЕ“

„РАЗ В ГОД“

„СИЛЬНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ“

ТССС! ЧЕХОВА КРИТИКУЮТ!

Шли однажды через мостик
Жирные китайцы.
Впереди них, задрав хвостики,
Торопились зайцы.
Вдруг китайцы закричали:
„Стой! Лови! Ах! Ах!“

Зайцы выше хвост задрали
И попрятались в кустах.
Мораль сей басни так ясна:
Кто зайцев хочет кушать,
Тот ежедневно, встав от сна,
Папашу должен слушать.
А. ЧЕХОВ

КАК НАПИСАЛИ БЫ ОБ ЭТОЙ БАСНЕ ЧЕХОВА:

**ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ,
С. ДИНАМОВ и
А. СЕЛИВАНОВСКИЙ**

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ:

Чехов — не единственный прозаик, который писал стихи. Прозаик Пушкин тоже писал стихи. Стихи писал также и прозаик Лермонтов. Лермонтов — автор «Демона». Демон — не китаец. Персонажи басенки Чехова — китайцы. Если бы Чехов был чех, его фамилия была бы Иванов. У Чехова есть драма, которая тоже называется «Иванов». Сюжет басни Чехова не нов: За двумя зайцами погонишься, — ни одного не поймаешь. Разве это не скучная история? Знаменательно, что один из лучших рассказов Чехова тоже носит название «Скучная история».

Скучная, ибо здесь нет развертывания сюжета. А все потому, что китайцы закричали. Если бы китайцы не закричали, зайцы не попрятались бы в кустах. Китайцы словили бы зайцев и опрокинули бы известную поговорку о невозможности погони сразу за двумя зайцами.

Ошибка Чехова в том, что он уклонился от возможности развернуть басню в большое полотно, как «Воскресенье» Льва Толстого.

Кто знает, может быть, действие в чеховской басне также происходит в воскресенье?

Чехов упустил случай дать неожиданную концовку: Китайцы закричали, но зайцы их не поняли, так как китайцы говорили по-китайски.

Китайцы воспользовались этим, словили зайцев и съели их. Зайцы заворачивают в кусты, если писатель не разворачивает сюжета.

С. ДИНАМОВ:

В приведенной басне автор повторяет всю лирическую гамму своих писательских приемов.

Непротивление, минорность, левитановщина заявляют о себе на каждой строчке.

Ну, что это такое? — «Вдруг китайцы закричали: «Стой! Лови! Ах! Ах!»

Это знаменитое чеховское «Ах! Ах!» мы не раз слышали из уст многих его героев, и особенно героинь.

Это сантиментальное «Ах!» не мобилизует читателя, а дезориентирует его.

В самом деле, почему китайцы ограничились тем, что в минуту опасности закричали: «Стой! Лови!»

Какой уважающий себя заяц после этих оппортунистических действий не спрячется в кустах?

Время, когда уместны были всяческие «Ах!», прошло. Сантиментальному «Ах!» пришло на смену энергичное: — Бах!

Действовать надо, а не заниматься пустыми разглагольствованиями. Не лирически любоваться скачущими впереди зайцами, а оглушить их меткими выстрелами из охотничьих ружей.

И как надо действовать не «через двести-триста лет», а сию же минуту, всемерно использовав данную ситуацию.

Левитановщину в Чехове можно еще, — правда, с оговорками, — простить, но Чехову нельзя простить явно выраженной чеховщины.

В басне Чехова — типично чеховская ситуация: «Небо в алмазах» — зайцы впереди, но счастье длится недолго: «Зайцы выше хвост задрали и попрятались в кустах», т.е. поступили так, как и надлежит поступать чеховским героям.

Разве дядя Ваня, Елиходов, три сестры, доктор Астров, Вершинин, Вафля, Володя большой и Володя маленький — не зайцы, трусливо прячущиеся в кустах?

Любопытно, что никому другому, как именно Чехову, принадлежит афоризм о ружье, которое должно выстрелить.

Но в басне самого Чехова ружье не стреляет: зайцы, как ни в чем не бывало убегают от лирически «ахающих» китайцев!

Не всегда, однако, зайцам так везет. Помните детскую песенку:

«Раз-два-три-четыре-пять.
Вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,

Прямо в зайчика стреляет.
Пиф! Паф! Ой-ой-ой!
Умирает зайчик мой!...»

Сравните ее с чеховской басней. Одна и та же завязка, но какая разница в развязке!

А все потому, что в популярной детской песенке ружье стреляет, а у Чехова, несмотря на известный чеховский афоризм, ружье не стреляет.

С нестреляющими ружьями надо покончить!

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ:

Автор не конкретен. «Однажды». «Через мостик». Когда именно шли китайцы? Через какой именно мостик?

«Торопились зайцы». Какие? Зайцы бывают двух родов:

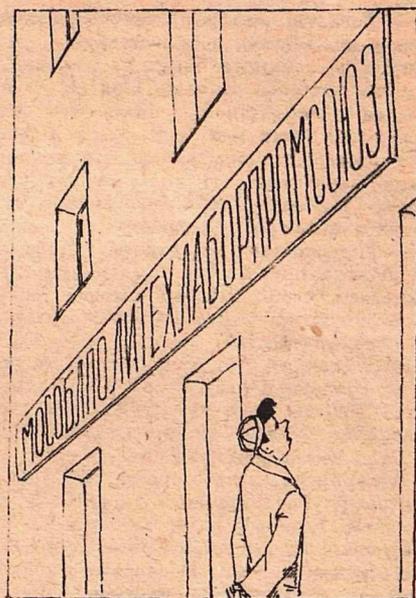
Есть железнодорожные зайцы, и есть радиозайцы. О каких же зайцах идет речь в басне Чехова?

«Жирные китайцы»? — Где это Чехов видел жирных китайцев?!! И почему это о китайцах сказано все, а о японцах — ни слова?

МИХАИЛ ПУСТЫНИН

РЕАЛИЗОВАННЫЕ НАЗВАНИЯ

Рисунки А. Топикова

„ВЫВЕСКА“

„АКТЕРСКАЯ ГИБЕЛЬ“

„ВАГОННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ“

Не все люди—чеховские Мити Кулдаровы. Не каждый испытывает прилив блаженства и стихийной радости, если его фамилия напечатана в газете. Многие предпочитают, чтобы их фамилия, если и окажется напечатанной, то, во всяком случае, без тех последующих строк, которые иногда вгоняют человека в грустное уныние и болезненное удивление.

В этом отношении мы вполне понимаем положение товарища Б. А. Аплаксина, ленинградского научного работника. Его несколько огорчила только что вышедший справочник «Научные работники Ленинграда», изданный Академией наук. В этом справочнике фамилия товарища Б. А. Аплаксина встречается два раза. Один раз она помечена в перечне научных работников. Товарищ Аплаксин прочел ее, скромно отметил красным крестиком и остался доволен тем знаком внимания, какое было оказано ему, скромному научному работнику, издательством Академии наук.

Почему, на самом деле, я не отметить научного работника, который жив, здоров и работает на пользу социалистического отечества? Но перелистав справочник дальше, товарищ Аплаксин еще раз наткнулся на свою фамилию, напечатанную четким убористым шрифтом, но с примечанием, которое повергло его в самое неподдельное изумление. Тем же убористым четким шрифтом в справочнике было указано, что он, товарищ Аплаксин, скончался еще в 1932 году.

Товарищ Аплаксин, повторяем,— не чеховский Митя Кулдаров. Он не бросился к знакомым с радостным воплем: «Напечатали, напечатали!» Он не пошел и в крематорий размышлять урну с собственным прахом. Он просто прочел справочник и обращается теперь к нам, что делать живому человеку, похороненному издательством Академии наук. Отвечаем ему: живите и работайте. Но не так, как работают в издательстве Академии наук. Такая работа никому не нужна.

ЧУДО-МАШИНА

В ТАСС, по совету одного из героев чеховской «Свадьбы», усиленно «хочут показать свою образованность и говорят о непонятном».

Не так давно ТАСС разослал телеграмму: «94.000 кетменей—колхозам Азербайджана». В этой телеграмме рассказывается о том, что колхозам посланы кетмени, при чем «из ряда мест поступают дополнительные заявки на эти машины».

Повидимому, получив в свое распоряжение такое занятное и интригующее слово, как кетмени, тассовцы задумались: что бы оно могло обозначать? Наверное, какие-нибудь новые сельскохозяйственные машины. Вроде усовершенствованного комбайна или что-нибудь вроде трактора, который может плыть под водой и подниматься в воздух. Удосужиться и спросить, что такое кетмень, прежде чем назвать его машиной, тассовцы не догадались. Идем навстречу этим занятиям и мало осведомленным работникам информации и охотно поясним, что кетмень—это обыкновенная азиатская гужевая мотыга, и называть ее машиной так же рискованно, как самовар—моторным двигателем.

Каждый перестраивается, как может. Знаменитый чеховский телеграфист Ять уже не ухаживает за акушерками и не выстукивает телеграммы. Он решил пойти по культурной части. Изредка его припомаженные кудри, курносый нос и одеклоновый запах чувствуются и в нашей действительности. Так, на днях мы обнаружили след гражданина Ятя в Западной Сибири, куда он прибыл под фамилией Донцова, в качестве представителя Центрального бюро студсекции ВЦСПС.

Деятельность свою Ять-Донцов пытался начать с анкеты, многогранности которой могли бы позавидовать все станционные телеграфисты девятидесятых годов.

Анкета эта была отправлена студентам Западной Сибири. Что прежде всего заинтересовало Ятя-Донцова в студенческом быту? Естественно,— то, что всего больше может заинтересовать станционного героя, привыкшего к гитарке на голубой ленте. Поэтому один из основных вопросов сформулирован так:

«На каком музыкальном инструменте играет?»
Но играть на инструменте это еще мало. Инструмент должен быть свой. Поэтому гражданин Донцов немедленно же спрашивает:

«Какой музыкальный инструмент имеете свой?»
К инструменту, конечно, полагается песня, и следующий вопрос ставится в лоб:

«Какие поете песни, если нет, то почему?»
Увлечшись собственными студенческими инструментами, гражданин Донцов сразу берет себя в руки, вспоминает об ответственном отрезке времени и спрашивает:

«Кто является известным композитором?»
Предположив, что этот вопрос все же не поставит в тупик западносибирского вузовца и не внушит ему почтительного отношения к анкете, гражданин Донцов еще глубокомысленнее предлагает:

«Назовите великих людей науки».
Не имеющий инструментов вузовец может получить реванш и целиком и полностью ответить на менее интригующий вопрос гражданина Донцова:

«Сколько раз в десять дней чистите одежду?»
Тут же, после оптовых вопросов о том, кто автор «Перегноя», сколько раз посещались музеи и сколько пар нательного белья имеет вузовец, появляются и розничные:

«Сколько раз бегаете в декаду?», «Какое имеет значение полет в стратосферу?» и «Какие причины редкого посещения кино и театра?»

На всю эту ятевскую ерунду западносибирские вузовцы должны были отвечать четко, немедленно и быстро.

К счастью, анкету во-время перехватили. Она погибла бы в неизвестности, если бы не нашлись люди, которые подыскали для нее подходящее место. Охотно удовлетворяем их просьбу и помещаем ее в «Крокодиле».

ИЗ ОБЛАСТИ КРИПТОГРАММ, КЛИНОПИСИ И ИЕРОГЛИФОВ

Мы с большим уважением относимся к работе египтологов, археологов и научных исследователей, которые неутомимо раскрывают человечеству строки, написанные древними и зачастую неизвестными народами, на неизвестных языках и зачастую даже на неизвестных предметах.

И тем не менее, при всем нашем уважении к людям науки, мы заранее уверены, что им никак не удастся расшифровать следующий кусок из политической статьи в газете «Заря Востока», помещенной несколько времени тому назад:

«...слабости в ра причинею того же явления являют японского продвоботе самого революционного крыла заключаются в неизмения. Эти слабости в основном тики единого фродостаточно активном проведени таизования легальности снизу, в недостаточном исполнии организационх возможности в работе, в неумеластости конкретно закрепить достигнутые успехи, в работы в отношеои повседневнои разоблачительной формистов нии вождей срциал-фашистов».

Комментарии к такому абзаду считаем невозможными. Пусть их сделают те, кто сможет разобрать криптограмму «Зари Востока».

О ХОДЬБЕ БЕГОМ

Епиходов никогда не писал обязательных постановлений. Правильно и дела. Тогда к двадцати двум несчастьям, его преследовавшим, прибавилось бы и двадцать третье: неуменье объяснить то, что хочешь.

Это двадцать третье несчастье целиком досталось Сыктывкарскому горсовету, который пытался на днях объяснить гражданам, как нужно передвигаться по улицам Сыктывкара. Казалось бы, чего проще объяснить шоферу, как ехать по маленьким улицам маленького города. Но Сыктывкарский горсовет никак не может поверить, что шофер автомобиля не собирается бежать рядом со своей машиной. Поэтому горсовет настоятельно предлагает:

«Шофер автомашини не должен сходить с машины при ее движении и оставлять ее во время работы двигателя».

Но равно подозрительными кажутся горсовету не только шофера, которые могут бежать рядом с машиной, но также и рядовые пешие граждане, не знающие, что такое ходьба и бег. Поэтому в пункте двадцать третьем горсовет категорически, а отнюдь не в дискуссионном порядке, извещает:

«Не допускается ходьба бегом».

К сожалению, горсовет не извещает граждан о том, что запрещается переноска грузовых автомобилей на руках, ныряние в проточных водах на велосипеде и пользование подводами в качестве детских колясок. Без этого его постановление несколько проигрывает как выдержанный сценарий для трюковой комедии с Бейстер Кейтоном. Рекомендуем горсовету снять свое постановление со стен города и использовать его именно в этой области.

Кражи бывают всякие. Возмутительные, вопиющие к месту к укравшему. Мелкие, вызывающие чувство гадливости. Комбинированные и прочие. Но директору фабрики-кухни на станции Никитовка (Донецкой железной дороги) товарищу Юдину принадлежит изобретение особого вида кражи, которое он в своем приказе определяет таким термином:

«Считать окончательно освобожденным от работы кладовщика Бузыкина за заочную кражу прикинов из кухонной кладовой».

Надо полагать, что товарищ Юдин очень долго обдумывал, прежде чем порадовать человечество открытием нового вида уголовного преступления.

ТРУДНОЕ ДЕЛО

Помещик Грябов в чеховском рассказе «Дочь Альбиона» относился к недоверию к Англии больше всего за то, что ему было очень трудно выговорить имя и отчество Уилки Чарльзовны Тфайс. Повидимому, редактор газеты «Северокавказский большевик» с таким же недоверием относится к государственной конституции СССР. Слабые попытки его в этой области привели к тому, что 27 мая в газете, им редактируемой, появилось совершенно экстравагантное сведение:

«Избирается почетный президиум — политбюро ЦИК ВКП(б)».

Как известно, мы переживаем 17-й год Октябрьской революции. В сущности говоря, какой это незначительный срок для того, чтобы редакция «Северокавказского большевика» успела удосужиться ознакомиться с партийным уставом и советской конституцией...

ДЕЛО ОБ ИСПОРЧЕННЫХ ШТАНАХ

Писанье приказов—тонкое искусство. Не каждому оно легко дается. Но овладев им, можно уже не стесняться. Образец такого умения разговаривать со своими подчиненными в стиле Наполеона перед пирамидами, вдумчиво сконструированном начальником Ивановского приморского районного отдела связи ДВК.

Не желая ничего утаивать от истории, приводим этот образец полностью:

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 68
по Ивановскому приморскому
районному отделу связи ДВК
от 6 мая 1934 года

В моей квартире одним из работников отдела связи произведен хулиганский поступок: мои вещи, находящиеся в квартире, развешенные по стенам, в числе которых находились черные судящиеся штаны,— испорчены. Обнаружено мною, что вышеупомянутые штаны ирезаны, одна половина отрезана почти вся. Такой нахальный и грязный поступок свидетельствует о низком уровне пролетарской морали во вверенном мне учреждении.

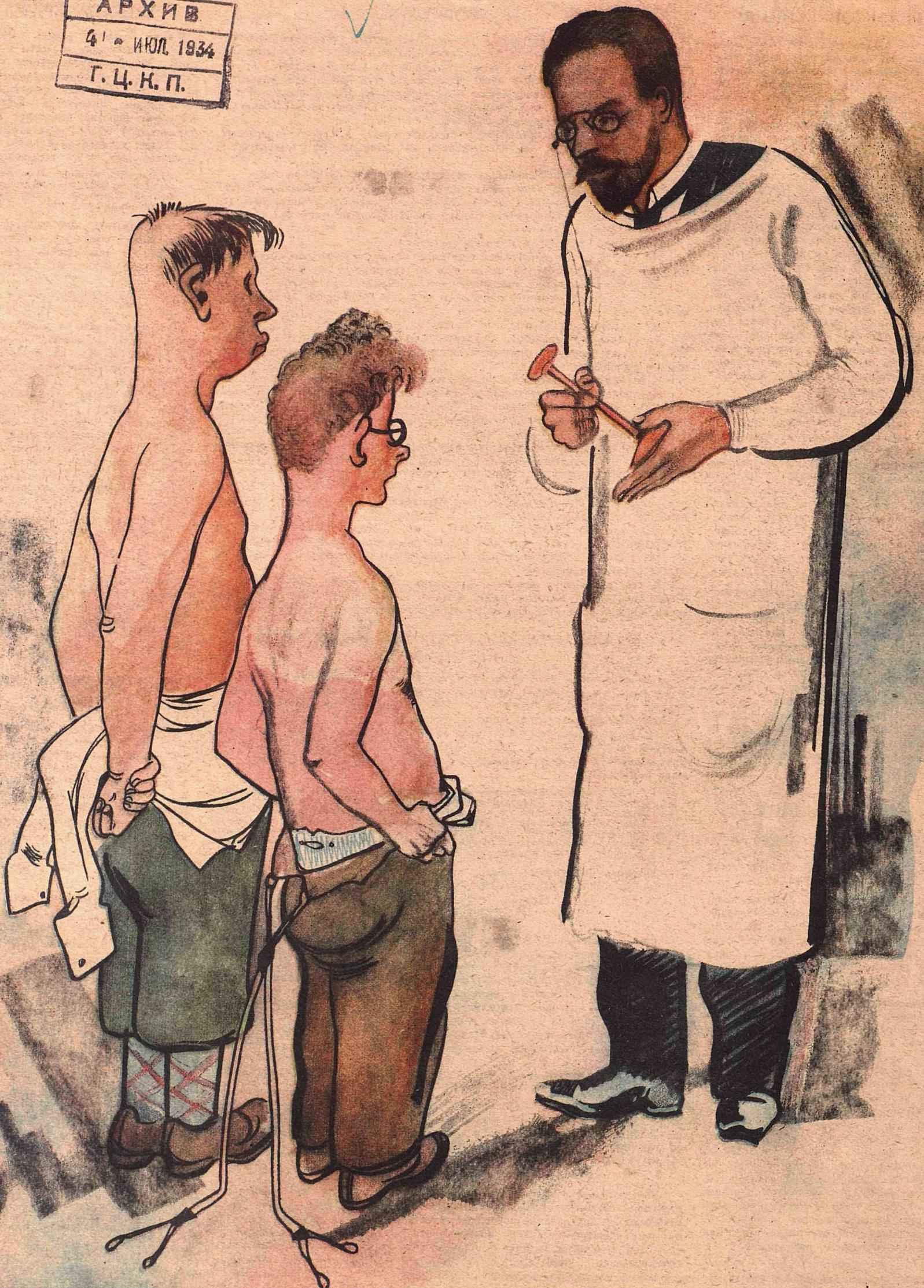
Находя этот поступок дерзким по отношению ко мне как к лицу, стоящему выше по должности — с одной стороны и нарушению пролетарской морали — с другой, я вынужден обратиться ко всему коллективу с призывом: осудить этот поступок как недопустимый для работников связи, помочь выявить виновного и выгнать из своих рядов как недостойного звания связиста. В противном случае буду считать вашу солидарность с этим негодяем и буду иметь орментировку на недоверие всему коллективу.

П. п. Начальник РОС
Нечаев

19367

Рис. М. Храповского

АРХИВ
41 • ИЮЛ. 1934
Г. Ц. К. П.

ЧЕХОВ: — И как врач и как писатель я должен подать вам совет: поменьше пейте, побольше пишите!